

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Маска смеха и маска гнева,
по преданию, принадлежали
римскому императору Нерону,
печально прославившемуся
своими преступлениями.
Именно они возвели Нерона
на трон, и именно они стали
причиной краха великой
империи...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Маска Нерона

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Маска Нерона

«ЭКСМО»

2012

Александрова Н. Н.

Маска Нерона / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2012 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-56665-5

Актриса Петербургского театра Саша Соколовская находит на дне моря в Черногории маленькую камею с изображением смеющейся маски, и за девушкой начинают охоту двое подозрительных мужчин, требуя отдать находку. В это же время в руки скромного менеджера, Даши Карасёвой, попадает камея с изображением разгневанной маски. Девушкам теперь придется объединиться, чтобы спастись от жрецов необычного языческого культа. На счету жестоких преступников, поклонников сурового Молоха, уже множественно безвинных жертв. Беглянок объединяет не только древнейшие украшения и общие враги, но и семейное предание, проливающее свет на судьбу артефактов. Уже одно то, что Даша и Саша видят одинаковые сны – о древнем Карфагене, об императоре Рима Нероне – многое могло бы им подсказать. В критическую минуту на помощь девушкам приходит один и тот же человек, которого повсюду сопровождает большая белая собака...

ISBN 978-5-699-56665-5

© Александрова Н. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Наталья Александрова

Маска Нерона

Александра плыла вдоль скалы, неторопливо работая ластами и вглядываясь в зеленоватую тьму. Мимо нее промчалась стайка мелких рыбок, дружно сменила направление, сверкнув ослепительным серебряным дождем, и скрылась за поворотом скалы. Из темного грота медленно выплыла крупная рыбина, остановилась, едва заметно шевеля плавниками, уставилась на Александру удивленными выпуклыми глазами, немного подумала и ушла в глубину.

Александра глубоко вдохнула, сильно загребла руками и устремилась вниз, за рыбой.

Приблизилось дно – белый песок, разбросанные тут и там крупные камни, раковины с приоткрытыми створками. Она плыла в метре от дна, испытывая восхитительное, ни с чем не сравнимое чувство свободы, и высматривала что-нибудь интересное.

Рядом с темным камнем затаился краб, выставив перед собой единственную клешню. По другую сторону камня в песке что-то сверкнуло. Александра опустила ниже, пригляделась.

Это была монетка в один евро. Александра протянула за ней руку – у нее было правило каждый раз приносить из моря какой-нибудь сувенир. Эти находки она складывала в черепашью шкатулку, чтобы потом, дома, перебирать их и вспоминать теплое бирюзовое море и чудесное ощущение свободы. В шкатулке лежали несколько красивых раковин, игральная кость, янтарная бусина, несколько монет.

Однако, уже протянув руку за монетой, Александра увидела рядом с ней на песке что-то гораздо более интересное.

Улыбающийся рот, отверстия для глаз...

Это была греческая театральная маска, усмехающаяся маска комического персонажа. Маска была маленькая, чуть больше ногтя, но все равно это куда интереснее монеты.

Александра схватила маску – и испуганно отдернула руку: краб незаметно подобрался к ней и попытался ухватить клешней за палец. Она погрозила крабу свободной рукой, изогнулась и устремилась к поверхности, сжимая в кулаке свою находку.

Навстречу ей двигалась сияющая, дробящаяся стена, осыпанная осколками солнечного света, сверкающая граница между подводным и надводным миром. Александра пробила эту стену головой и вынырнула на поверхность моря, продула трубку и поплыла к берегу, мягко работая ластами.

У берега песчаное дно сменилось крупной белой галькой. На мелководье плескались дети, несколько молодых парней играли в пляжный волейбол.

Александра сняла маску, прошлепала к своему лежаку, вытерла волосы и еще раз внимательно разглядела находку.

Это была камея, удивительно тонко и искусно вырезанная овальная камея с греческой маской. Приглядевшись, Саша поняла, что камея сделана не из раковины, как те, что продаются на каждом шагу в сувенирных лавочках, а из камня, из чудесного двухслойного оникса. И еще удивительным ей показалось то, что камея была совершенно чистой, не замечалось на ней никаких наслоений.

Да, это действительно интересный сувенир, не чета ее прежним находкам!

Александра невольно улыбнулась, до того заразительно смеялась маска.

– Тетенька, что это у тебя? – раздался рядом с ней звонкий детский голосок. – Дай мне поиграть!

Александра удивленно подняла глаза.

Рядом с ней стоял мальчуган лет пяти, с очень светлыми, слипшимися от соленой воды волосами. Он тянул к ней загорелую лапку с растопыренными пальцами, глаза его блестели, как два морских камушка.

– Что тебе дать? – спросила Александра удивленно.

– Вот это! Вот этот камешек с глазками!

Неожиданно с Александрой случилось что-то странное. В глазах у нее потемнело, во рту пересохло. Что это – неужели солнечный удар?

Но нет, она твердо стояла на ногах, только вдруг почувствовала, что не может расстаться со своей находкой, с этой смеющейся камеей. Сжав руку в кулак, она смущенно улыбнулась ребенку и проговорила каким-то чужим, взволнованным голосом:

– Нету у меня никакого камешка!

– Как нету? – удивленно, недоверчиво переспросил мальчик, и лицо его сложилось в расстроенную гримаску – вот-вот заревет.

– На вот, возьми лучше это, – Александра протянула ребенку квадратик жевательной резинки.

– Не надо лезинку, не хочу лезинку! – проговорил он капризно. Александра внезапно разозлилась, сузила глаза и прошипела:

– Не хочешь – как хочешь! Ничего другого у меня нет!

– Есть другое... – неуверенно проговорил мальчик, но, перехватив ее сердитый взгляд, попятился и побежал прочь, к дальнему концу пляжа. Александра проследила за ним и увидела, как он подбежал к рослому черноволосому мужчине с жесткой щеточкой усов, в длинных красных плавках и что-то ему сказал, обернувшись и посмотрев на нее.

Мужчина пристально взглянул на Александру. На мгновение их глаза встретились, и ей стало зябко и неудобно. В глазах незнакомца был неприязненный интерес – как будто он смотрел на какое-то редкое, но отвратительное насекомое.

Александра быстро собралась и ушла с пляжа – у нее резко испортилось настроение.

Вторую неделю она отдыхала в маленьком черногорском городке на берегу Которской бухты. Большую часть дня проводила на берегу моря, ныряя с маской, плавая или бездумно валяясь на солнце. Потом обедала в одном из бесчисленных ресторанчиков – брала жареную или запеченную рыбу, морепродукты, пило терпкое душистое вино. Иногда гуляла по старому городу, поднималась в средневековую крепость, откуда открывался чудесный вид на бухту, на дальние берега в темной зелени садов, на такие же маленькие, уютные городки.

Ей было хорошо и спокойно, все неприятности и заботы остались далеко на севере, в холодном и мрачном городе возле другого моря – неприветливого, угрюмого, свинцового.

Александра поднялась по каменной лестнице, пересекла узкую улочку, вошла в квартиру. На время отпуска она сняла маленькую квартирку рядом с морем, это было удобнее, чем жить в гостинице. Квартирка была уютная, с кондиционером и просторной террасой, правда, вид из окон и с террасы был не на море, а на соседний сад.

Переодевшись, она вышла на террасу повесить сушиться купальник.

С террасы железная лесенка спускалась в маленький садик, где росли лаванда, лантана и две чайные розы. Хозяйка очень просила, чтобы квартиранты поливали цветы, иначе при такой жаре они завянут без полива через два дня.

Александра взяла лейку и спустилась в садик.

И вдруг у нее возникло неприятное чувство, что за ней кто-то наблюдает.

Александра вскинула глаза и успела заметить в соседнем саду какое-то едва уловимое движение – качнулись ветки кустов, как будто за ними кто-то спрятался. Сад всегда был пустой, густо заросший, довольно-таки неухоженный, но Александре это нравилось – никто не мешает, не смотрит, не лезет к ней с пустыми разговорами. И вот сейчас там кто-то был и следил за ней из-за кустов.

Ерунда, конечно, но у нее остался какой-то неприятный осадок в душе.

Александра машинально сунула руку в карман и нащупала там маленький твердый предмет.

Это была камеш, которую она нашла в море.

Повинуясь некоему внезапному побуждению, прежде чем вернуться в квартиру, она бросила камеш в лейку.

Оставаться дома ей не хотелось, она надела нарядный сарафан и отправилась в старый город.

В узких улочках старого города стояла приятная прохлада, и повсюду пестрели цветы – пышные гроздьи бугенвиллеи свисали с балконов и стен, в палисадниках алели канны, цвели алые и чайные розы. Александра зашла в свой любимый ресторанич «Под липой».

В центре просторного двора действительно росла вековая липа, накрывавшая столики своей тенью.

Перед входом в ресторан Александра столкнулась с нищим стариком. Она часто видела его то на идущей вдоль моря пешеходной дорожке, то здесь, в старом городе. Его запрокинутое к небу, выдубленное солнцем лицо, изуродованное глубокими шрамами, длинные пряди седых волос и его огромная белая собака были такими же неизменными атрибутами города, как и средневековая часовая башня или как испанский форт, мрачной громадой возвышавшийся над бело-розовыми домиками, взбегавшими по вершинам прибрежных холмов.

Старик повернул к молодой женщине непроницаемое, как всегда, лицо и проговорил с достоинством, по-русски, хотя и с легким акцентом:

– Помогите боевому инвалиду!

Александра стыдливо сунула в кружку старика монету в два евро, вошла в ресторан и заняла свободный столик в тени, возле самого ствола старой липы. Официант торопливо сметал с белоснежной скатерти липовый цвет.

Есть ей не хотелось. Она заказала чашку кофе по-восточному и легкий салат, знакомый официант принес ей за счет заведения рюмку чудесного айвового ликера.

Александра откинулась на спинку стула, подставила лицо ласковому ветерку, в котором ощущался солоноватый запах моря и теплый, чуть горчивший аромат сухих горных трав. Но блаженного покоя, который она обычно испытывала в эти тихие предзакатные часы, в ее душе не было. Ее что-то волновало...

Прислушавшись к себе, она поняла, что вновь чувствует чье-то пристальное, недоброе внимание.

Это было странно. То есть внимание-то ей мужчины оказывали – одинокая женщина, весьма привлекательная, на отдыхе, одна... С такими приставалами Александра быстро расправлялась. Даже не нужно было ничего говорить: она просто смотрела на них в упор своими темными глазами. Несомненно, во взгляде ее было что-то особенное, это признавали все – и самые завистливые ее коллеги, и самые недоброжелательные критики. Все сходилось на том, что глаза актрисы Александры Соколовской – очень сильный козырь! Она явно умеет управлять своим взглядом.

Александра сделала равнодушное лицо, повернула голову, но не заметила ничего подозрительного.

Аппетит окончательно пропал. Допив кофе и пригубив ликер, она оставила салат нетронутым, бросила на стол деньги и направилась к выходу под удивленным и разочарованным взглядом официанта.

Александра прошла по знакомой узкой улочке, свернула в каменную арку, спустилась по ступеням к portalу маленькой старинной церкви. На пороге церкви дремал тощий черный кот. Услышав шаги, он приподнял ухо, но не проснулся.

Иногда Александра заходила в эту церковь, стояла две-три минуты перед скромным алтарем, смотрела на изображение местного святого, согбенного старца с добрыми проникновенными глазами, думала о своем, а чаще просто впитывала окружающую тишину, и душа ее обретала временный покой.

Но сейчас у нее не было соответствующего настроения. Ее гнало вперед некое смутное, неосознанное беспокойство.

Она свернула в очередную арку, прошла по каменному мостику, перекинутому над узким ущельем улицы, поднялась на несколько ступеней и оказалась на крошечной площади. Отсюда вели к морю два переулка, она выбрала левый, потому что увидела впереди знакомый балкон, увитый темно-розовой бугенвиллеей.

Однако через пять минут она поняла, что ошиблась, – выбранная ею дорога вела не к морю, а наверх, в лабиринт узких старинных улочек, к подножию испанского форта.

Это ее не слишком расстроило: она никуда не спешила, старый город ей всегда нравился, она любила часами гулять по его узким улочкам. Только непонятное беспокойство никак не проходило.

Свернув в очередной переулок, Александра оказалась в тупике. Впереди была глухая каменная стена, по которой карабкался шустрый блекло-зеленый геккон. В боковой стене, на уровне третьего этажа, было открытое окно, из которого свисала клетчатая скатерть.

Александра повернулась и вдруг увидела, что выход из тупика загораживает высокий мужчина. Он стоял посреди дороги, засунув руки в карманы и перекатываясь с пятки на носок, на его губах играла неприятная, ускользающая улыбка.

Она узнала длинные черные волосы, забранные в «хвост», и аккуратную щеточку усов. Это был тот мужчина с пляжа...

Над головой Александры хлопнуло, закрывшись, окно.

– Пропустите меня! – проговорила она сердито.

Мужчина молчал, и она пошла навстречу, надеясь, что он посторонится...

Но когда она поравнялась с ним, вместо того чтобы посторониться, мужчина шагнул ей навстречу, оттолкнул к стене, криво усмехнулся и проговорил:

– Так-так-так! Какая неожиданная встреча! Что же вы обидели ребенка? Нехорошо!

Он говорил по-русски, правильно, но с едва уловимым акцентом.

– Ка... какого ребенка?! – едва слышно выдохнула Александра.

Она никогда не робела в присутствии мужчин, но этот тип вовсе не собирался к ней приставать: он излучал какую-то глухую, но весьма ощутимую угрозу.

– Ребенок просил вас отдать ему то, что вы нашли, – а вы не отдали... нехорошо!

Внезапно на смену страху пришло возмущение.

– А ну, отвали! – зло, раздраженно проговорила Александра. – Отвали, козел! Дай пройти!

Он молча, сверля ее взглядом, склонился над ней, словно хотел что-то сообщить ей по секрету. Александра почувствовала запах мятной резинки и еще чего-то знакомого, но неприятного.

– Пропусти! – выдохнула она ему прямо в лицо и попыталась протиснуться к выходу из переулка.

Но незнакомец прижал ее к стене, нагнулся еще ниже и процедил:

– Отдай камею, или пожалеешь, что родилась на свет! Это не твое – понятно?

– Ты что – совсем сдурел?! – жестко, неприязненно проговорила женщина. – А ну, пропусти меня!

– Ты, кажется, не поняла!

Александра услышала щелчок, скосила глаза вниз и увидела в левой руке незнакомца нож с узким выкидным лезвием.

– Лучше отдай! – повторил он. – Лучше отдай по-хорошему! Ты даже не понимаешь, во что ввязалась! Не понимаешь, кому ты перешла дорогу, каким силам вздумала противостоять!

И вдруг за его спиной раздалось негромкое грозное рычание.

Мужчина напрягся, отстранился от Александры, повернул голову.

Позади него, у входа в переулок, стоял нищий старик со своей собакой. Огромная белоснежная собака грозно рычала, обнажив желтоватые клыки, с ее нижней губы капала слюна. Старик опирался на трость и вовсе не выглядел робким и беспомощным, наоборот, вся его фигура дышала силой и уверенностью.

– Ты? – удивленно, с раздражением проговорил мужчина с ножом. – Не лезь не в свое дело! Не вставай на моем пути! Кто ты такой, чтобы мешаться у меня под ногами?!

Старик молчал. На его изборожденном шрамами лице напряглись желваки.

Мужчина с ножом медленно повернулся, опустил голову, шагнул навстречу старику. Собака присела на задние лапы, рыкнула, приготовившись к прыжку.

Александра мстительно пнула черноволосого по ноге, бросилась к выходу из переулка, свернула за угол. За ее спиной послышалось рычание, зазвучали короткие хриплые выкрики.

Вскоре все стихло. Она выбежала на знакомую площадь, откуда открывался широкий вид на бухту, на окружавшие ее горы, на выход в Адриатику.

Бирюзовая равнина моря лежала внизу, как сияющая улыбка мира, солнце медленно опускалось в воду. По глади бухты скользила яхта с белым треугольником паруса.

Александра перевела дыхание, огляделась.

Вокруг гуляли счастливые, спокойные люди, парочки и компании сидели за столиками открытого кафе.

Все, произошедшее с ней только что в глухом переулке старого города, показалось Александре чем-то далеким и нереальным.

Она провела рукой по волосам, на мгновение прикрыла глаза, резко выдохнула и зашагала к дому.

Пока она дошла до своего дома, окончательно стемнело.

Сильно запахло пряными южными цветами, в кустах громко запели цикады, в воздухе замелькали быстрые призрачные тени – летучие мыши вылетели на ночную охоту. Одна из них пролетела перед самым лицом Александры.

Александра подошла к своей двери, вставила ключ в замочную скважину.

Ключ не поворачивался.

Что за дела? До сих пор замок прекрасно работал...

Она чертыхнулась, попробовала еще раз, и на этот раз ключ повернулся и дверь открылась.

Александра вошла в квартиру – и прежнее беспокойство вновь шевельнулось в ее груди, у сердца.

В квартире что-то было не так!

Она нащупала рукой выключатель, загорелся свет.

Тапочки, которые она, уходя, оставила у самого порога, валялись теперь посреди прихожей. А дальше...

В гостиной все было перевернуто вверх дном – ящики стола выдвинуты, чемодан выволокли из шкафа, открыли и вытряхнули из него содержимое, один стул валялся посреди комнаты.

Александра почувствовала, как охвативший ее в первую секунду испуг превращается в злость.

Какого черта?! Все говорили ей, что в Черногории практически нет воровства, что здесь царят патриархальные нравы и при желании можно вообще не запирать двери! Какая же скотина вломилась в ее жилье, рылась в ее вещах?!

Первым побуждением Александры было вызвать полицию. Однако, к собственному ее удивлению, она заметила, что не пропали ни деньги, ни документы, так что в полиции к ней вряд ли отнесутся с пониманием.

Она запихнула вещи обратно в чемодан, кое-как навела порядок и, чтобы немного успокоиться, вышла на террасу.

Южная ночь окончательно вступила в свои права. В небе сияли крупные яркие звезды, пахло цветами, со стороны моря доносилась музыка и голоса – прибрежные рестораны жили своей ночной жизнью.

Александра немного успокоилась: такая ночь восстанавливает душевное равновесие лучше любого лекарства.

Но какой-то червячок беспокойства все еще шевелился в ее душе.

Кто и зачем вломился к ней в квартиру?

Какие-нибудь безбашенные подростки решили продемонстрировать подружкам свою лихость?

Нет, не похоже. И потом... дверь не взломана – ее открыли отмычкой. Подростки действуют не так.

А если это не подростки – то кто? И что они здесь искали?

И вдруг отчетливая мысль озарила ее сознание.

Александра спустилась в сад, нашла лейку и запустила в нее руку.

Камея была на месте.

Александра вошла в дом, опустила жалюзи и только тогда осмелилась разжать руку. Положив камею на стол, она задумалась.

Этот мужчина – на пляже и там, в старом городе... Он ясно дал ей понять, что пойдет на все, лишь бы заполучить камею. Здравый смысл подсказывал ей, что камею следует отдать. То есть не вступать ни в какие переговоры, ни в какие пререкания, просто положить – сейчас же! – свою находку на ограду террасы, а утром ее не будет. И все, Александру оставят в покое. Потому что она сама никому не нужна, не станет этот тип ее убивать, хоть и грозил ей ножом. И это будет правильно, потому что надеяться на защиту старого нищего просто глупо. Ну, один раз он оказался рядом, да еще он был благодарен ей за милостыню. А дальше?

Александра взяла камею в руки и задумчиво поднесла к глазам. И снова поразились: с какой тщательностью вырезаны черты маски! Хотелось долго-долго смотреть на них и смеяться. И выбросить из головы все неприятные мысли.

Она сжала камею в кулаке и поняла, что никому ее не отдаст – просто не сможет с ней расстаться. В конце концов, это она вытащила камею со дна моря, а по старинному морскому закону кто вещь нашел – тому она и принадлежит.

Как всегда, после принятого решения она легла спать со спокойной душой. Но уснуть не сумела. Теперь ее мысли были иного рода.

Только что в ее рассуждениях проскользнуло соображение, что лично она никому не нужна. А если вдуматься: если бы этот тип пырнул ее ножом там, в переулке, кого бы это взволновало? Да-да, когда пришла бы весть в далекий Петербург о том, что она, Александра, умерла, кто бы расстроился?

Уж точно не ее коллеги по театру! Они только обрадовались бы. Вот именно, Александра поняла совершенно ясно: никто, ни один человек, не пролил бы ни единой самой крошечной слезинки. Услышав о том, что Александра не появится больше в театре, лишь некоторые пожалели бы плечами, а многие так и просто возликовали бы. Ну да, эта стерва Колонкова и ее клика – те просто устроили бы праздник с шампанским! Или эта тетеха Подушкина... Нет, как раз Подушкина не стала бы злорадствовать, она даже на такие сильные чувства не способна. Это же надо – пойти в актрисы с такой фамилией! Элина Подушкина – с ума сойти!

Тут Александра осознала, что она просто занимается мелким злопыхательством, причем ночью, наедине с собой, как будто ей нечем больше заняться...

Но сон не шел. И мысли в ее голове вертелись самые неприятные.

Так, с коллегами по театру разобрались. Они все Александре просто завидуют – ее броской внешности, ее таланту, ее успеху. А что – ей нет еще и тридцати, а уже почти все главные роли в театре – ее. И была еще парочка сериалов, вполне успешных, правда, шли они не на главных каналах, но все же Александре на телевидении запомнили.

Она прекрасно отдает себе отчет: это все ненадолго, но вовсе не собирается сниматься во всякой лабуде. Она – актриса театральная, она любит сцену, она добила многого. И совершенно незачем попрекать ее связью с главным режиссером Медениковым – как перед самым отпуском вздумала вдруг упомянуть об этом старая гримза Невеселова. Встретила ее в коридоре: «Вы, – говорит, – милочка, уже всякие границы переходите! Я, – кричит, – четырех главных пережила, но такого безобразия никогда не бывало!» Она тогда в кабинет к главному ворвалась: «Сережа! Сережа!» – а он как раз Александре голову на колени положил: «Устал, – говорит, – как собака...» И что такого? Так эта Невеселова прямо позеленела от злости! Она с женой главного в лучших подругах состоит. Так что, жена, можно подумать, не знает, что ли, про них с Александрой? Донесли ей уже... доброхоты! Главный – мужчина еще ничего, правда, только внешне, в постели, конечно, от него толку маловато, все больше разговоры. Но и Александре от него не этого надо.

А жена-то его на пять лет старше, и если Меденикову уже за полтинник перевалило, так ей-то сколько?..

И при чем тут мораль? Вот если бы Александра завела молодого любовника – это, конечно, было бы некрасиво. Сергей Константинович ей так и сказал – чтобы даже взглядов никаких не было, ни улыбок, ни словечка! Не позорь, мол, меня в театре, я этого не потерплю. И она условия их договора честно соблюдает.

Старой ведьме она тогда посоветовала поменьше совать нос в чужие дела. А та – да вы, мол, еще на свет не родились, когда я в этом театре играла! Нашла чем гордиться!

Александра скрипнула зубами и повернулась на другой бок. Все же она ужасно устала от всеобщей недоброжелательности, от косых взглядов и перешептываний за своей спиной, оттого и поехала в отпуск одна. Чтобы никто не вертелся рядом, не лез с пустыми разговорами. Хотела отдохнуть.

И отдохнула, несмотря ни на что. Набралась сил. Это важно, потому что по возвращении ей предстоит борьба. Будет читка новой пьесы, главный так и сказал ей – сделаю шедевр. А он может, его-то в театральных кругах хорошо знают.

Она сама не заметила, как заснула.

* * *

– Этот поворот? – спросила Даша, не отводя взгляда от дороги.

– Да, кажется, этот. – Две женщины на заднем сиденье оторвались от увлекательной беседы и посмотрели в окно.

– Вы точно знаете? – Даше не хотелось сворачивать впустую.

Они уже час колесили по поселку, и если главные дороги были чистыми и асфальтовое покрытие – новым, то в переулках между домами вполне можно было завязнуть. День будний, народу вокруг немного, потому что осень, да если и окажется поблизости какой-нибудь мужчина, то трактор им уж точно нигде не сыскать.

– Дарья, как ты разговариваешь? – тут же «возникла» одна из женщин. – Никакого уважения к старшим!

– Ну что ты, Лидочка, – заговорила вторая, та, к которой обращалась Даша, – девушка права, она машину бережет. Машинка старенькая, еще развалится по дороге, нужно быть осторожнее...

Даже в зеркале было видно, как Лидия Васильевна плотно сжала губы.

Даша сочла за лучшее промолчать и сосредоточилась на повороте. В переулке, как она и ожидала, разлилась огромная лужа – после вчерашнего дождя. Даша остановила машину и выглянула в окно. За ближайшим забором хмурый дед в ватнике сгребал листья.

– Пойди спроси у него дорогу! – приказала ей Лидия Васильевна. – Раз Иза не помнит.

Изу звали Изольдой Яновной, она приходилась Лидии закадычной подругой. А Лидия Васильевна вот уже второй год была Дашиной свекровью. Этим все сказано.

Нынче подруги решили прокатиться за город, чтобы посмотреть дачу, которую купил недавно Изольдин зять. Дача была старая, но зато участок огромный и место очень престижное – в поселке Комарово, где издавна селились академики, маститые художники, театральные режиссеры и прочая элита советских времен. У Даши как раз был выходной, и свекровь решила, что все получится очень удачно.

– Что спросить? Какой адрес? – Даше ужасно не хотелось идти, но не стоять же тут, перед лужей, целую вечность!

– Ну, я не зна-аю... – протянула Изольда, – там дом такой, с башенкой. Мы его называли «Три медведя»...

Вот и спрашивай после такого объяснения дорогу – да тот дядька сочтет ее ненормальной!

– Иди! – сурово приказала свекровь, и Даша, как обычно, не стала спорить.

С трудом перебравшись через лужу, она подошла к калитке и попыталась открыть ее. Тут же откуда ни возьмись подскочила к калитке огромная собака и грозно зарычала.

– Скажите, пожалуйста... – начала было Даша, но голос ее потонул в громовом лае.

Собака рыла землю лапами и бросалась на калитку, весь ее вид говорил, что стоит только Даше приоткрыть калитку, как ее немедленно разорвут на тысячу кусков.

– Ну что ты лаешь, я же только спросить хочу... – жалобно сказала Даша.

Собака прибавила громкости. Ее хозяин по-прежнему монотонно двигал граблями, не оглядываясь на посетительницу. Даша постояла немного и пошла обратно. Собака мгновенно замолчала, как будто у нее выключили завод. Ее хозяин так и не обернулся.

Когда Даша с предельной осторожностью перебиралась через лужу обратно к машине, мимо проехал велосипедист и весьма ощутимо ее обрызгал.

– Да чтоб тебя! – крикнула она ему вслед.

Грязная вода попала на джинсы и кроссовки, еще на куртку, и кое-что оказалось даже на ее левой щеке. Даша выбралась из лужи и остановилась в растерянности. Джинсы еще ладно, они далеко не новые и прекрасно отстираются, кроссовки тоже, но вот кожаная куртка... примет ли ее химчистка, а если примет, то сможет ли отчистить? В прошлый раз юбку вернули с тем же пятном, что и взяли, и у Даши не хватило сил убедить приемщиц, что они были не правы.

Кое-как вытерев лицо случайно завалявшейся в кармане салфеткой, она побрела к машине. И с удивлением увидела, что Изольда Яновна поймала за рукав этого наглого мальчишку на велосипеде и оживленно с ним беседует.

Даша прибавила шаг и услышала конец их разговора.

– Спасибо, милый, – щебетала Изольда, – мы теперь в том доме жить будем! Пока что, а потом, конечно, новый построим... Так что спасибо тебе за то, что дорогу объяснил!

Мальчишка ловко вырвался из цепких Изольдиных рук и укатил.

– Какой приятный мальчик! – сказала ему вслед Изольда.

«Угу», – подумала Даша.

– Дарья, где ты ходишь? – напустилась на нее свекровь. – За смертью тебя посылать! Все равно ведь ничего не выяснила, только изгваздалась вся! Говорила ведь – не надевай за город новую куртку! Так тебе бы только форсить!

Вот интересно: не свекровь ли утром двадцать минут кряду выговаривала Даше, чтобы она не смела надевать любимую старенькую джинсовую курточку и позорить ее перед Изольдой?

Зять Изольды Яновны лет пять тому назад неожиданно разбогател, и она неустанно напоминала об этом всем вокруг. Язычок у нее был острый, она и не пыталась его сдерживать – как произошло совсем недавно, когда она прошлась насчет старой Дашиной машины.

Не такая уж она и старая! Даша свой «опелёк» любила.

– Что ты, Лидочка, так нервничаешь! – и сейчас Изольда не утерпела. – Ну, немножко испачкалась девушка, ничего страшного! Ей же не на прием идти!

Пока ехали, Изольда, захлебываясь от обилия впечатлений, пересказывала подруге, как ее дочка с мужем были на шикарной вечеринке у владельца известного банка, и какой у него огромный дом, и сколько прислуги, и что было надето на жене банкира...

Даша не слишком-то прислушивалась к оживленному разговору на заднем сиденье, но свекровь жадно внимала подруге и, надо полагать, наливалась черной завистью.

Изольда никогда не обращалась к Даше по имени, и, хоть ей неоднократно говорили, что Даша – невестка ее подруги, то есть жена сына подруги, она все равно считала, что перед ней – нечто среднее между горничной и шофером. Или упорно притворялась.

Даша мысленно пожала плечами. И правда, на прием ей не идти. Завтра ей на работу – в обычную фирму, Даша трудилась там старшим менеджером. Правда, в грязной куртке на работу не пойдешь – неправильно поймут.

– Сейчас развернешься – и назад, – скомандовала свекровь, – потом второй переулочек направо, окажешься на главной улице, по ней – до магазина, а там уже близко.

Даша молча выполнила все маневры, а у магазина им указала дорогу словоохотливая тетенька с крошечной собачкой на руках.

Дом и вправду оказался очень большим и каким-то волшебным. Было там резное крыльцо, и даже дорожка к нему оказалась вымощена желтым кирпичом, как в сказке про волшебника Изумрудного города. Вдоль второго этажа шла широкая открытая терраса, а сбоку и правда была пристроена башенка – высокая, в три этажа.

Сразу стало понятно, почему Изольда упомянула о трех медведях. Нижний этаж застекленной башни был побольше, средний – чуть меньше, а на третьем имелось и вовсе крошечное помещение, два человека с трудом поместятся, и то стоя. Увенчивалась вся эта красота острой конической крышей с проржавевшим флюгером наверху.

Изольда достала старинный фигурный ключ и отперла замок. Пока Даша разворачивала машину и закрывала ворота, дамы удалились в дом, откуда вскоре послышалось восторженное кудахтанье свекрови. Даша хотела пройти по участку, но он безобразно зарос крапивой и кустами малины, так что она решила не искушать судьбу: мало того что куртка грязная, так еще и порвать ее вполне можно.

Она потянула на себя тяжелую дверь и услышала голоса в глубине дома. Изольда, захлебываясь, расписывала дом, ее подруге уже надоело охать и ахать, и она молча мучилась завистью.

– Дарья, поди сюда! – услышала Даша недовольный зов свекрови.

Она затаилась в прихожей. Стоит отозваться, как свекровь мигом придумает ей какое-нибудь дело – закрой окно, открой окно, достань, вытащи, убери, положи на место, ах, какая же ты неловкая и медлительная... Нет, Даша и так уже утомилась за сегодняшний день! И ладно бы просто отвезти подруг на дачу, это-то как раз ей нетрудно, она любит водить. Но слышать за спиной бесконечное недовольное ворчание свекрови, ее понукания и ценные указания – нет, Даше на сегодня хватило.

Голоса слышались ближе, сейчас они выйдут и увидят ее. Даша спиной нашла ручку двери и проскользнула в какое-то незнакомое укрытие, плотно прикрыв за собой дверь, поставившись, чтобы она не заскрипела.

Она оказалась в небольшом круглом помещении, освещенном скудным светом из окон. Деревья на участке выросли очень большие и подступили к самому дому. По виду из окон Даша сообразила, что она находится в нижнем этаже башенки «Трех медведей».

В комнатке стояла деревянная садовая скамья с высокой спинкой, а также книжный шкаф. Именно – шкаф, потому что на вид было ему лет сто, а может, и больше.

Верхние полки когда-то застеклили, но теперь стекла были выбиты, и на полках стояла всякая всячина – разномастные битые чашки, расписная крышка от супницы, фарфоровые статуэтки – собака с отбитой ногой, мальчик без головы, другой – с головой, но зато без руки, пастушка с половинкой овечки. Были там еще диванная подушка, здорово поеденная молью, дверной колокольчик, покрытый патиной, и медный ковшик без ручки. Все покрывал толстый слой многолетней слежавшейся пыли. Ясно, что бывшие хозяева забрали все мало-мальски ценное, а это бесполезное барахло поленились выбросить. Даша чихнула – тихонько, как кошка, – и испуганно прислушалась. Эти двое находились за стенкой, совсем рядом.

– Опять куда-то запропастилась, – недовольно сказала свекровь, – ужас, до чего она меня раздражает! Ну, о чем он только думал, когда на этой женился?!

– Да, не повезло тебе с невесткой, – с фальшивым сочувствием поддакнула подруге Изольда, – как говорится, ни рожи, ни кожи, ни жилплощади...

– И не говори! – подхватила свекровь. – Одевается ужасно, готовить не умеет совершенно, неряха страшная – ну, это ты и сама видишь. Да еще и руки дырявые, что ни возьмет, то непременно либо разобьет, либо сломает. И за что мне такое наказание?! И главное – какие девушки у него были! Одна в институте – умница, красавица, меня очень уважала, – так нет! Выбрал эту... эту...

– Сердцу не прикажешь, – съехидничала Изольда.

– О чем ты говоришь? Не иначе она его опоила чем-то... Хотя чем она его взяла – ума не приложу. Ведь никакого вида – рыжая, морда вся в веснушках... тьфу!

Даша вжалась в стену и застыла, моля бога только об одном: чтобы этим двум мегерам не пришлось в голову подняться на башню. Она не представляла, как встретится глазами со свекровью после того, что только что услышала.

Свекровь все время ворчала, и Даша, следуя советам мужа, относилась к этому терпеливо, он говорил – не обращай внимания, мама всегда была немножко занудной. Она не хочет плохого, просто у нее характер такой, что с этим поделаешь?

Дашу с детства учили хорошим манерам. Не ругаться, не скандалить, ни в коем случае не выяснять отношения на людях. Уважать старших, никогда «не начинать» первой и побольше молчать. Именно такой тактики она и придерживалась в отношении свекрови. Нельзя сказать, что ей очень уж нравилась эта женщина, но свекровей ведь не выбирают. Если уж живут они вместе, то нужно терпеть и не доводить дело до открытой конфронтации, а то вообще жизни не будет.

В этом плане Даша была вовсе не боец, она и сама это понимала.

Именно поэтому она старалась выполнять желания свекрови – чтобы не было конфликтов и противостояния. И вот сейчас она услышала про себя столько всего! И не в запале же это было сказано, не в пылу скандала, когда человек сам не помнит, что делает. Оттого, что свекровь говорила со спокойной горечью, Даше стало совсем плохо. Вот как, оказывается, о ней думают! И за что?! Что ей Даша сделала плохого?..

Голоса отдалились – обе ведьмы ушли в кухню. Даша на цыпочках поднялась по скрипучей винтовой лестнице на второй этаж. Эта комнатка была поменьше, тут стояло продавленное

кресло с высокой спинкой и разодранной обивкой и круглый обшарпанный столик. На нем валялась ломаная курительная трубка.

Даша поняла, что когда-то давно сиживал здесь хозяин дачи, курил трубку и смотрел сверху на сад и дорогу. Она миновала эту комнатку и поднялась на самый верх. Тут было тесновато, зато из окон открывался вид на дальний лес. Мебели не было, только в углу стоял большой фанерный ящик. Даша прижалась лбом к грязному оконному стеклу и застыла. На душе у нее было гадостно.

В конце концов, если свекровь была так настроена против нее, она могла бы отговорить Димку от брака с ней! Он к матери относится трепетно, хотя... Даша подумала немного и поняла, что муж запросто мог от маминых слов отмахнуться – да ладно тебе, да не волнуйся, мам, все будет тип-топ! Именно так он и с Дашей разговаривал – улыбнется, отмахнется и убежит куда-нибудь.

И ведь свекровь все преувеличивает! Ну, Даша, конечно, не блещет красотой, она насчет своей внешности не обманывается, так ведь и не уродина она! Ну, волосы рыжие, веснушки, росту она небольшого... А глаза – зеленые, красивые, это все признают. А Димка, между прочим, говорит, что Даше веснушки идут. И вообще, смеется, – волосы рыжие, веснушки, если, говорит, еще штаны тебе клетчатые на лямках – будешь вылитый Карлсон! Так со свадьбы и зовет ее Карлисончиком.

И вовсе Даша не неряха, и руки у нее не дырявые, это сама свекровь уже перебила все чашки из маминого сервиза! И денег она зарабатывает, может, и не слишком много, но уж не меньше, чем Димочка, а ему свекровь почему-то ничего не говорит!

А уж насчет жилплощади – так это вообще полное вранье! Что у Даши есть – так это жилплощадь. Трехкомнатная квартира, где они все и живут, – Дашина!

То есть жили там когда-то Даша с матерью и дедом, а теперь никого из них на свете нет, кроме Даши. А у свекрови с сыном была двушка, где-то далеко, в южной части города. Даша там один раз была, когда мужу вздумалось ее с мамой познакомить.

В общем, как только они поженились, свекровь все названивала им – то ей плохо, то лекарство нужно срочно привезти, то хлеба у нее нет, то молока... Димка и говорит – давай маму сюда перевезем, места много, а мы больше времени сэкономим. Надоело ему мотаться в дальний конец города. Даша и согласилась, не хотелось ей дело до конфликта доводить. Вот и получила!

Свекровь как въехала к ним – так ее и не выставить обратно никакими силами. Ей-то явно здесь лучше – квартира большая, в центре, и сыночек рядом. А свою двушку она быстро сдала, так что теперь уж точно никуда не уедет.

Даша очнулась. Она стояла у окна, по щекам ее текли слезы и капали с подбородка на грязный дощатый пол. Внизу возле дома она увидела свекровь, та стояла возле машины.

– Дарья, ты где? – кричала она. – Выходи немедленно!

Даша отпрянула от окна и села на фанерный ящик, спрятав голову в ладонях. Сидеть было очень неудобно, она поерзала, и тут ящик под ней просто развалился. Даша оказалась на полу, а вокруг нее кучей лежали странные вещи.

Выпиленные из фанеры плоские звери – волк, лиса, заяц, петух. Краска на них давно уже облезла, но все еще можно было различить, кто есть кто. Были там еще принц со шпагой, рыцарь в блестящих доспехах, король в горностаевой мантии с длинной бородой, парочка принцесс – блондинка и брюнетка, и еще – большая картина на картоне: озеро, лебеди, а на заднем плане – горы и замок.

Да это же театр, догадалась Даша, вот фигурки и декорации!

Когда-то здесь, в этом доме, жила большая семья, и дети устраивали настоящие кукольные представления. Та жизнь давно кончилась, дети выросли и разъехались в разные стороны...

Даша попыталась собрать ящик, но безуспешно. Тогда она просто решила сложить все поаккуратнее, пусть новые хозяева сами решают, что им с этим делать. Что-то ей подсказывало, что все эти вещи очень скоро отправятся на свалку.

Что-то блеснуло в куче деревянных плоских фигурок. Даша разгребла их и увидела круглый камешек, закатившийся в щель в полу. Взяв его в руки, она разглядела, что это камень. На бело-розовом камне была вырезана театральная греческая маска – маска злодея. Черты его лица, искаженные гневом и злостью, заставили Дашу вздрогнуть. Тем не менее она долго рассматривала камешек, не будучи в силах оторваться от нее.

Даша не очень-то разбиралась в подобных вещах, но поняла, что камень – старинная и вырезана очень искусно. Она сжала вещь в руке. Оставить ее здесь? Пропадет... Нужно отдать ее Изольде. Но как ей сказать об этом? Изольда еще заподозрит, что Даша тайком шарит по углам и прихватила что-либо ценное, поди докажи потом, что ничего такого Даша не делала!

Даша прикрыла кучу деревяшек уцелевшей фанеркой и начала осторожный спуск по лестнице. Ей удалось незаметно выйти из башенки и закрыть за собой дверь.

На кухне старухи сидели у стола и ели шоколад, по очереди отламывая от большой плитки.

– Ты где была? – невнятно спросила свекровь, а Изольда поскорее запихнула в рот последний квадратик шоколадки.

Мысль о том, что Даша вела машину и проголодалась не меньше их, ни одной женщине в голову просто не пришла.

Не отвечая, Даша очень пристально уставилась на пустую упаковку от шоколадки. Свекровь и бровью не повела, Изольда поджала губы и выразительно подняла глаза к потолку – мол, что за манеры, людям в рот заглядывать!

Даша нащупала в кармане камень, и ее охватила веселая злость. Нет, ни за что она эту безделушку не отдаст и никаких упреков в краже не примет, пусть это считается оплатой за поездку. Изольда, выжига этакая, всю дорогу своим богатством хвасталась, а за бензин Даше заплатить даже не предложила!

Она развернулась на пятках и пошла во двор, к машине. Протерла лицо влажной салфеткой, причесалась и накрасила губы. От вида своего лица в зеркале лучше ей не стало. Даша скорчила зверскую рожу самой себе. Но получилось нестрашно.

Старухи с ворчанием рассаживались на заднем сиденье. Теперь Даша знала дорогу, и на шоссе они выехали быстро. Изольду развезло от свежего воздуха, и Даша видела, как она усиленно борется с дремотой. Свекровь же оставалась свеженькой, как огурчик. Ей было скучно. Восхищаться чужой дачей женщине надоело, а натура ее требовала действия, поэтому она начала цепляться к Даше:

– Чем это у тебя в машине пахнет? Натурально помойкой! Наверно, под ковриком что-то сгнило...

Поскольку вопрос не был направлен напрямую к Даше, девушка сочла за лучшее промолчать, как обычно.

– Нет, это просто невозможно терпеть! – свекровь поерзала на сиденье, потом наклонилась и исследовала пол под ногами. – Грязи-то! – вздохнула она. – Ну, как мне тебя к порядку приучить? Нет уж, видно, если смолodu не научили человека аккуратности, теперь толку не будет...

Как будто Даша – кошка, которая гадит, где ей только вздумается!

Даша представила, что она – кошка: большая, рыжая, пушистая. Глаза, как и полагается, у нее зеленые, розовый нос и шикарные усы. Она потянула носом, принюхиваясь, и повела ушами. По ее кошачьему мнению, в машине и правда пахло неприятно – двумя противными человеческими существами. Да еще они шоколад ели – нет бы рыбу...

Даша вспомнила, что у свекрови дома есть круглый аквариум. Как здорово было бы улучшить минутку и, сдвинув крышку, поболтать там лапой, авось какая-нибудь рыбка и попадетсЯ в ее когти. А если изловчиться и вообще опрокинуть аквариум на пол...

Даша почти воочию увидела, как рыжая кошачья лапа ловит трепыхающихся рыбок, а свекровь, войдя в комнату, хватается за сердце и медленно, словно бы всем напоказ, оседает на пол...

От этого странного видения ее отвлек чей-то наглый «жигуленок»: он проскочил мимо ее машины, едва не сорвав ей зеркало, да еще и просигналил что-то обидное. Она зашипела, словно ей наступили на хвост...

И – опомнилась. Что это с ней?! При чем тут кошка?..

Даша включила кондиционер, потому что ей вдруг стало жарко.

Свекровь вытерпела минут пять и завелась по новой:

– Холод какой в машине устроила! Ты что – выморозить нас решила, как тараканов? – Тут она спохватилась, что сравнение подобрала не слишком-то приятное, и замолчала.

«Тебя холодом не возьмешь, разве что дихлофосом», – с тоской подумала Даша.

И удивилась своим мыслям – никогда она так откровенно и прямо о свекрови не думала! С другой стороны, она-то ведь про Дашу еще и не такое говорила, сама и виновата.

Свекровь вновь принялась ныть, что ей холодно. Даша выключила кондиционер и включила музыку, чтобы не слышать больше ее скрипучего голоса.

С проселочной дороги выскочил – едва ли не под колеса – мальчишка на велосипеде, Даша еле-еле успела притормозить. Сердце ее ухнуло куда-то вниз. Представить страшно, что было бы!.. Перед ее глазами замаячила жуткая картинка: скрежет тормозов, глухой удар – и безжизненная фигурка рядом с искореженным велосипедом.

Нужно взять себя в руки. Господи, доехать бы уж поскорее! Она сделала музыку погромче и сосредоточилась на дороге. Понемногу руки ее перестали дрожать и дыхание выровнялось, она даже стала тихонько подпевать мелодии. И вдруг кто-то сильно тряхнул ее за плечо. Повинуясь рефлексу, Даша до упора вдавила педаль тормоза. Ехавший за ней «Мерседес» свильнул на обочину, едва не скатился с дороги в кювет, но чудом на обочине удержался, опытный водитель выровнял машину и даже сумел вклиниться в поток автомобилей, обтекавший Дашин «Опель», и умчался, зло мигнув ей на прощание задними огнями.

Даша кое-как приткнулась к краю шоссе, хорошо хоть, ехала она в правом ряду, дождалась, когда сзади перестали раздраженно гудеть, и обернулась к своим спутникам:

– Что случилось?

Очнувшаяся от дремы Изольда недоуменно хлопала глазами.

– Ничего не случилось! – ответила свекровь. – До тебя же докричаться было невозможно, голова разболелась от твоей музыки.

– Вы что – совсем рехнулись? – тихо спросила Даша. – Ведь мы в аварию могли влететь, хорошо, что машин мало на дороге...

Никогда раньше она не говорила со свекровью в таком тоне, но сейчас просто собой не владела.

– Дарья! – свекровь опомнилась. – Как ты смеешь так разговаривать со старшими?

Даша стиснула зубы и очень осторожно тронула машину с места. Свекровь что-то орала сзади. Даша свернула к первой попавшейся заправке. Бензина осталось мало, кроме того, ей требовалось срочно успокоиться, хоть воды выпить или кофе.

Старухи, против обыкновения, не ворчали – им тоже хотелось размять ноги.

Заправка была не из лучших – кофейный автомат сломан, перед входом размазывала на тротуаре грязь старуха в синем сатиновом халате. На вошедших она поглядела волком.

Даша разобралась с бензином, затем пошла в туалет умыться. Ее мегеры купили себе по стаканчику мороженого и поедали его прямо тут, у кассы. Даша прошла по рядам. Хоте-

лось есть, но бутерброды были какие-то сомнительные, не первой свежести, а от шоколада на голодный желудок еще замутит... Она свернула в закуток в поисках негазированной воды, и тут откуда ни возьмись выскочил парень, почти мальчишка, и зажал ее между стеллажами.

– Пусти! – Даша удивилась, потому что парень не внушал страха – самый обычный подросток лет пятнадцати, довольно хилый и маленького роста.

Он ощерился и потянул на себя ее сумку.

– Пусти! – закричала Даша, крепко прижав сумку, у нее там были документы на машину, ключи и еще много всего нужного.

– Заткнись! – прошипел он, и Даша с ужасом увидела, что у него в руке сверкнул нож.

От страха ее ноги приросли к полу, руки ослабли... Гаденько усмехаясь, парень ножом отрезал ремешок и уже потянул сумку к себе, но в это время откуда-то сбоку выскочила старуха-уборщица.

– Ты что же это, сволочь, делаешь?! – заорала она и с размаху сунула парню в лицо свою швабру. Очевидно, попала прямо по глазам, потому что парень вскрикнул и выронил нож. А бабка еще и поддала ему шваброй по уху, тогда он бросился бежать, а старуха вдогонку угостила его быстрым профессиональным ударом по спине.

– Ты смотри, какой гад... – она подняла нож. – А ты-то как?

– Хорошо... – блеющим голосом ответила Даша, – спасибо вам... спасибо...

– Ну-ну, – бабка, не глядя, схватила со стеллажа бутылку и протянула ее Даше, – на вот, выпей.

Это оказалась пепси, но Даша не стала возражать. Никто ничего не заметил – ни кассирша, ни парень, работник колонки, крутившийся в магазине в ожидании чаевых за заправку и протертое стекло.

Даша сделала шаг вперед и пошатнулась, схватившись за бабкино плечо.

– Ну, паразит какой, ишь, что выдумал, – бормотала старуха, – прямо в магазине, среди бела дня... Никогда у нас такого не водилось... совсем с ума сдвинулись наркоманы эти...

Даша отхлебнула еще глоток из бутылки, после чего у нее в голове наконец перестало шуметь и окружающие предметы увиделись яснее.

– Дарья! – послышался скрипучий голос свекрови от кассы. – Куда ты опять делаешь? Господи, вечно она куда-то пропадает! Ну не доехать нам сегодня до дома!

Вот так вот! Посторонняя старуха спасла ей если не жизнь, то здоровье и сумку, а от свекрови доброго слова и то не дождалась.

От злости Даша окончательно пришла в себя.

– Едем! – решительно сказала она, выходя к кассе. – Вас только и жду!

Она забыла заплатить за пепси, но никто ее не остановил. Развернув машину, Даша оглянулась назад и заметила, что парень, пытавшийся вырвать у нее сумку, поодаль от магазина разговаривает с каким-то мужчиной. Мужчина был очень загорелый, волосы – седоватые. Он говорил что-то парню, почти не разжимая губ, потом схватил его за плечи и сильно тряхнул.

Кто это может быть? Отец парня? По возрасту вроде подходит...

Парень обмяк в руках мужчины, тот бросил его на газон, как тряпичную куклу, и скрылся за углом.

До города ехали молча. Изольду довезли до дома, и перед тем, как выйти из машины, она сказала подруге:

– Ты, Лидуся, совершенно права в этом плане – ну, о ком мы с тобой говорили? Так вот, я тебе очень сочувствую!

И все – ни «спасибо за поездку», ни «до свидания», – даже не кивнула Даше на прощание. Глядя ей вслед, Даша явственно представила, как по дорожке растекается огромная лужа. И в ней не грязная вода, а... ну, допустим, канализацию прорвало. И если въехать с размаху в

эту лужу, то Изольда окажется залитой этим самым с ног до головы. Да, но машину жалко. И лужи такой нету.

– Да уж, съездили... – вздохнула свекровь.

Даша вновь промолчала, поскольку к ней напрямую вроде бы не обращались.

– Машина у тебя – развалюха, – завелась свекровь, – водишь ты плохо, чуть в аварию не попали!

Очень хотелось высказать ей все, что накопилось на душе. Но как это сделать, когда ты за рулем и нужно смотреть на дорогу? И так уж нервы целый день на пределе.

В свое время мама внушила Даше, что, во-первых, ссориться вообще нехорошо, а во-вторых, если уж приходится выяснять отношения, то делать это нужно с человеком один на один, причем очно – не по телефону и не в письме – и еще обязательно при этом смотреть в глаза, чтобы видеть реакцию собеседника. Опять-таки, для того чтобы вовремя остановиться, не переступить ту грань, которую никогда не переступает воспитанный человек. Сейчас, когда Изольда наконец убралась, и можно было бы высказаться, но не высказывать же из машины и не орать на всю улицу...

Даша захотела опять включить музыку, чтобы не слышать за спиной скрипучего голоса свекрови, но вспомнила, чем это кончилось в прошлый раз, и передумала. Надо терпеть...

* * *

В доме Гнея Домиция Агенобарба царило веселье. Хозяин собрал в триклинии своих близких друзей, пригласил знаменитую гетеру Лелию, услаждавшую слух гостей пением и игрой на цитре. Безмолвные рабы приносили новые изысканные блюда, лукринские устрицы сменялись жареными дроздами, за жаворонками в соусе из трюфелей следовали угри, фаршированные зайчатинной. Фалернское вино лилось рекой, голоса сотрапезников звучали все громче, шутки становились грубее. Но время от времени все голоса замолкали, и гости невольно прислушивались к звукам, доносившимся из глубины дома.

Это были хриплые крики, полные боли и страдания, – в задней комнате особняка второй день не могла разродиться жена Гнея Домиция Агриппина-младшая.

Услышав крики жены, хозяин велел Лелии петь погромче.

– Нечего портить настроение благородных людей! – воскликнул он, подливая вино в кубок своего соседа, Марка Криспина.

Вдруг крик роженицы перекрыл пение гетеры и тут же стих.

На пороге трапезной появилась старая рабыня, низко склонилась перед Гнеем Домицием и положила перед ним на пол крошечное сморщенное существо с красным личиком, похожим на луканский орешек.

– У тебя родился сын, господин! – проговорила она почтительно. – Изволишь ли ты взять его в свои руки?

Хозяин дома поднялся с ложа, подошел к новорожденному сыну и остановился, разглядывая его.

Сотрапезники Гнея Домиция замолчали в ожидании.

Как он поступит?

Если он возьмет младенца на руки – значит, признает его своим законным ребенком, наследником знатного и старинного рода Домициев, рода, давшего Риму семерых консулов, двоих цензоров, триумфатора и множество прочих достойных граждан, верой и правдой служивших великому городу.

Если же он откажется поднять его с земли, отвергнет его, новорожденного по старинному обычаю выбросят на улицу, где он не доживет до утра. Если, конечно, его не подберет

торговец живым товаром, чтобы вырастить и продать в школу гладиаторов или на галеры Кипра.

Гней Домиций склонился над ребенком, внимательно оглядел его и наконец поднял с земли.

Только тогда гости разразились радостными криками: ведь только с этого момента он считался родившимся.

– Поздравляю тебя, старый друг! – проговорил Марк Криспин и протянул Гнею Домицию кубок, наполненный фалернским. – Наконец-то ты стал вполне взрослым человеком!

Криспин шутил: Гней Домиций был далеко не молод, почти на тридцать лет старше своей жены. Но в этой шутке была и доля правды: ведь только с рождением ребенка римлянин считался вполне взрослым.

– Однако ты не очень-то рад рождению первенца! – воскликнул Марций Варрон. – Лицо у тебя кислое, как будто ты пьешь не божественный фалерн, а дешевое вино с каменистых виноградников Тибуртина!

– Не вижу особой причины для радости, – желчно ответил ему хозяин. – От меня и Агриппины не может родиться ничего, кроме горя и ужаса для человечества.

Гости затихли: тихие слова Гнея Домиция невольно повергли их в трепет.

Впрочем, все знали, что он не любит свою жену, внучку Божественного Августа и сестру нынешнего императора Гая Юлия Цезаря Германика, а если попросту – Гая Калигулы, ведь женился он на ней только по приказу покойного Тиберия.

Гней Кальпурний, известный своим злым языком, вполголоса сказал своему соседу:

– И вообще – кто знает, кого родила Агриппина: сына или племянника?

Он говорил вполголоса, но, как назло, в эту минуту в триклинии наступила тишина, и его слова услышали все, включая хозяина.

Гней Домиций помрачнел.

Агриппина проводила слишком много времени со своим братом, императором, и злые языки говорили, что Калигулу связывают с ней и с их сестрой Друзиллой кровосмесительные отношения.

Но такие сплетни подпадают под закон об оскорблении величия, и Гней Домиций не поощрял опасных разговоров у себя дома. Он хлопнул в ладоши, и рабы вынесли полупустые блюда и чаши с вином, показывая тем самым, что пир подошел к концу.

Тем временем в спальне Агриппины молодая женищина, измученная родами, полулежала на высоких подушках, напряженно вглядываясь в дверной проем.

Волосы ее слиплись от пота, грудь высоко вздымалась, но она не могла расслабиться и заснуть.

Она кого-то ждала.

В спальню вошла старая рабыня с ребенком на руках. Поднеся младенца к матери, она почтительно поклонилась и торжественно проговорила:

– Господин поднял ребенка с земли! Он признал его своим законным сыном!

– Еще бы не признал! – губы Агриппины скривились в едкой улыбке. – Если бы он посмел – брат велел бы его казнить!

Она мельком взглянула на крошечное красное существо и велела отнести младенца к кормилице.

И в этот момент на пороге спальни появилась фигура, закутанная в черное покрывало.

– Наконец-то! – воскликнула Агриппина и приподнялась на локте. – Ты заставляешь себя ждать!

Черное покрывало откинулось, открыв женское лицо с глубокими черными глазами, с густыми бровями, похожими на крупных гусениц, и жесткой складкой возле губ.

– Я боялась встретить возле твоего дома прохожих, госпожа! – проговорила женищина глубоким сильным голосом. – Сама знаешь, ни к чему, чтобы по городу поползли слухи.

– Слухи, слухи... этот город только и живет слухами и сплетнями о знатных и могущественных людях! Впрочем, это неважно, – Агриппина нетерпеливо махнула рукой и уставилась на гостью. – Ты пришла. Говори же: что ждет в жизни моего сына?

– Слушаю и повинуюсь, – гостья низко поклонилась, оглянулась, хлопнула в ладоши – и в комнату вошла чернокожая рабыня с тяжелым мешком.

Ночная гостья Агриппины была предсказательницей Сатурниной, о которой по всему Риму ходили мрачные слухи. Говорили, что она поклоняется то ли Молоху, кровавому богу поверженного Карфагена, то ли какому-то столь же мрачному восточному божеству. Впрочем, эти слухи ничуть не мешали популярности Сатурнины, поскольку ее предсказания сбывались на удивление часто.

А еще о ней говорили, что она умеет составлять всевозможные снадобья, которые помогают не только от разных болезней, но и от мелких житейских неприятностей, таких, к примеру, как надоевший муж или опостылевшая жена.

Сатурнина выдвинула на середину комнаты низкий столик на львиных лапах. Ее прислужница бросила мешок на мозаичный пол рядом со столиком. Мешок шевелился.

Предсказательница запустила в него руку и внезапно бросила на стол двух извивающихся змей, двух огромных, смертельно опасных египетских кобр.

Рабыня Агриппины, молодая иллирийка, стоявшая рядом с кроватью господжи, ахнула и попятилась в ужасе. Сама же Агриппина не издала ни звука, она, не отрываясь, смотрела на змей: они сплелись в смертоносный клубок.

Сатурнина звучным, сильным голосом произнесла несколько слов на незнакомом варварском наречии, затем протянула руку, и прислужница подала ей маленькую фракийскую флейту. Приложив флейту к губам, колдунья извлекла из нее странную, заунывную и в то же время завораживающую мелодию.

В такт этой мелодии две кобры, высоко подняв головы и раскрыв свои расписные капюшоны, начали удивительный танец.

В комнате наступила напряженная тишина. Агриппина закусила губу, не отрываясь, следила она за танцем змей. Колдунья продолжала наигрывать свою волшебную мелодию, и эта мелодия подчинила своему удивительному волшебству не только змей, но и людей.

Внезапно Сатурнина отбросила флейту. В руке ее оказался узкий бронзовый нож, она дважды взмахнула им, и две отсеченные змеиные головы упали на мозаичный пол спальни. Обезглавленные тела египетских кобр еще продолжали извиваться. Предсказательница мгновенно подставила под срезы их шей золотую чашу, собрала в нее змеиную кровь, добавила в эту чашу какой-то зеленоватый, странно пахнущий порошок и протянула ее Агриппине:

– Выпей, госпожа!

Сестра императора на мгновение заколебалась, но все же решилась: поднесла чашу к губам и в один глоток осушила ее.

Глаза ее заволокла мутная пелена, она забилась в судорогах и вдруг неподвижно вытянулась на постели.

– Что ты сделала с моей госпожой?! Ты отравила ее, мерзкая чужестранка! – воскликнула служанка Агриппины и бросилась на предсказательницу, в слепой ярости размахивая маленькими твердыми кулачками.

Сатурнина легко оттолкнула ее, презрительно усмехнулась и проговорила:

– Молчи и смотри, дуручка! Ничего твоей госпоже не сделалось, она всего лишь общается с богами!

И правда: грудь Агриппины вздымалась, руки ее сжимались в кулаки, губы шевелились, как будто она с кем-то разговаривала или просила у кого-то пощады. Так прошло несколько томительных минут, и вдруг Агриппина открыла глаза и села.

– Я видела сон, – проговорила она пересохшими губами и повернулась к Сатурнину. – Колдунья, растолкуй мне его!

– Я для того и пришла к тебе, госпожа! – почтительно ответила предсказательница. – Итак, что же ты видела?

– Мне приснилось, что я родила не младенца мужского пола, но змея! Золотого змея, увенчанного короной. Золотого змея с перепончатыми крыльями...

– Этот змей именуется Василиск, или царственный. Он обитает в жарких пустынях Западной Индии и убивает своим ядовитым дыханием и даже взглядом.

– Мне нет дела до того, как этот змей называется и где обитает! – раздраженно перебила ее Агриппина. – Не для того я тебя позвала, колдунья! Скажи мне: что предвещает этот сон?

Сатурнина опустила глаза и проговорила негромко и как бы нерешительно:

– Я не смею, госпожа.

– Что?! – Агриппина приподнялась на постели, лицо ее пылало, глаза, казалось, извергали молнии. – Не смеешь? Прежде ты не отличалась такой робостью! Когда ты отравила сенатора Марка Лициния по просьбе его жены Юлии, разве ты проявила робость?

– Тише, госпожа, тише! – испуганно пробормотала Сатурнина, опасливо покосившись на дверь. – Зачем повторять эти злонамеренные слухи? Мало ли кто нас услышит!

– Это не слухи! – оборвала ее Агриппина. – Юлия сама все рассказала мне. И если ты сию минуту не растолкуешь мой сон, я перескажу эту историю моему царственному брату! Как ты думаешь, колдунья, что он с тобой сделает?

– Умоляю, госпожа! – воскликнула предсказательница. – Я все вам скажу!

– Так говори!

– Ваш сон означает, что дитя, которое вы родили сегодня в муках, будет править в Риме, станет императором...

– Это прекрасно, – глаза Агриппины вспыхнули от радости. – Отчего же ты не решилась сказать мне это?

– Это не все, госпожа... – Сатурнина понизила голос. – Да, ваш первенец станет императором... но он же станет и причиной вашей смерти. Он убьет вас, госпожа...

В спальне воцарилась мертвая тишина.

Агриппина смотрела прямо перед собой со странным выражением лица, как будто перед ней в виде четких картин проходило ее будущее. Ее губы зашевелились, она что-то ими шептала самой себе или разговаривала с кем-то – с кем-то невидимым и могущественным.

Наконец она глубоко вздохнула, словно пробуждаясь от тяжелого сна, и проговорила ясным и твердым голосом:

– Пусть убьет, только бы правил!

– Он будет править, госпожа! – уверенно проговорила Сатурнина. – Но если ты хочешь, чтобы это непременно случилось, возьми вот этот древний талисман и сделай так, чтобы твой первенец никогда с ним не разлучался!

С этими словами предсказательница протянула Агриппине две небольшие камеи, две вырезанные из двухслойного оникса маски – одна из них грозно хмурилась, другая улыбалась.

– Что это? – спросила Агриппина, с любопытством разглядывая маленькие камеи. – Я думала, что мой сын станет императором, а не актером!

– Не волнуйся, госпожа! – успокаивающе проговорила Сатурнина. – Твой первенец станет императором – древние талисманы помогут ему в этом. А искусство актера... ты зря считаешь его презренным и недостойным знатного человека. Искусство актера позволит

твоему сыну завоевать полезных и влиятельных друзей, а от врагов – до поры до времени – скрывать его истинные намерения. Тот, кто хочет властвовать, должен в совершенстве освоить искусство актера!

– Будь по-твоему, – согласилась Агриппина. – Я положу эти камни в буллу своего сына и прослежу, чтобы он никогда ее не снимал.

Сатурнина удовлетворенно кивнула.

Она прекрасно знала: согласно старинному римскому обычаю, на шею ребенку вскоре после рождения надевают особый круглый медальон – буллу. У бедных людей булла может быть кожаной, у богатых – золотой. В буллу вкладывают амулеты, предохраняющие ребенка от сглаза и от злых духов, перед которыми маленький ребенок особенно уязвим: на спящего младенца могут напасть стриги, ужасные существа с железными клювами и когтями. Спассти от них ребенка могут амулеты из кораллов и золота, из волчьего зуба и особого черного камня, называемого антипатис. Каждая мать знает, сколько опасностей подстерегает младенца, поэтому она следит, чтобы булла всегда была при нем.

* * *

На следующее утро Александра стояла на пирсе, любуясь бирюзовым морем, неподвижно застывшим в обрамлении лесистых гор, как драгоценный камень в искусно вырезанной оправе. Погода была прекрасная (впрочем, другой здесь и не бывает), солнце сияло, легкий ветерок освежал лицо. Вчерашние приключения казались Александре далекими и нереальными. Она решила пока не думать о них, а просто наслаждаться отдыхом. У нее была заранее куплена экскурсия по Которской бухте, и теперь она ждала появления экскурсионного корабля в компании таких же, как она, беззаботных туристов. Неподалеку от нее стоял мужчина лет пятидесяти в расстегнутой на груди джинсовой рубашке, из-под которой выбивались седые волоски, и в белой фуражке с «крабом». Он то и дело с интересом поглядывал на Александру, но все не решался с ней заговорить.

Со стороны моря послышался ровный шум мотора, и к пирсу подошел нарядный кораблик. Туристы по сходням перебрались на борт, компания молодежи расположилась на верхней палубе, люди постарше заняли места под тентом. За штурвал встал загорелый белоzubый красавец, и кораблик заскользил по глади моря.

Александра надела темные очки и залюбовалась проплывавшими мимо берегами.

Вот из-за скалы показался хорошо знакомый ей испанский форт, они обогнули его и поплыли дальше. Рулевой на двух языках (на сербском и английском) рассказывал о том, что они видят на берегах бухты.

Позади оставались живописные городки – каменные средневековые церкви с изящными колокольнями, нарядные домики, увитые бугенвиллеей, розовые и голубые виллы бизнесменов и артистов, известных спортсменов и политиков.

В изумрудном склоне на дальнем берегу бухты показались два глубоких темных провала, словно две разверстые пасти огромного двуглавого чудовища. Рулевой, таинственно понизив голос, сообщил, что это входы в огромную пещеру, где в советские времена находилась замаскированная база югославских подводных лодок. Выдержав небольшую паузу, он добавил, что позднее в этой пещере снимали один из фильмов о Джеймсе Бонде.

Затем он показал на пришвартованный слева по курсу корабль и сообщил, что это личная яхта многолетнего главы Югославии, покойного маршала Тито.

Яхта была небольшая и неказистая, не чета огромным роскошным кораблям современных воротил нефтяного, строительного и прочего бизнеса.

Мимо проплывали многочисленные городки, по глади бухты скользили парусные суденышки, рыбацьи лодки и спортивные яхты, иногда с треском и грохотом проносились водные

мотоциклы. Справа на лесистом мысу красовалась старинная церковь. Она постепенно приближалась, и вдруг зазвонили колокола. Густой прозрачный звон поплыл над водой, эхом отражаясь от скал и склонов.

Александра встала со скамьи, сбросила босоножки и уселась верхом на борт кораблика, свесив босую ногу. Иногда гребешки волн задевали ступню, ей было щекотно и весело.

К ней подошел мужчина в белой фуражке, откашлялся и заговорил:

– Красиво как здесь!

– Очень тонкое замечание, – фыркнула Александра.

Мужчина предпочел не заметить ее сарказма и продолжил процедуру знакомства:

– Вы, вообще-то, откуда? Я, к примеру, из Москвы...

– А я, к примеру, из Крыжополя.

– Откуда?! – У него брови полезли на лоб.

– Из Крыжополя, – серьезно и вежливо ответила Александра. – Между прочим, очень высококультурное место.

– Правда? – В голосе мужчины явственно послышалась растерянность.

– Одно плохо, – вздохнула Александра, сбив ногой пену с очередной волны. – Педикулез у нас очень распространен.

– Что?! – Ее собеседник заморгал и попятился. – Что у вас... распространено?

– Вши! – гаркнула Александра.

Ухажера как ветром сдуло.

Впереди бухта сужалась. Рулевой сообщил, что это Вериги, самое узкое место Которской бухты. Здесь от берега до берега всего триста метров, и в Средние века жители протягивали через бухту цепи, чтобы через пролив не могли пройти вражеские корабли.

Миновав Вериги, кораблик вошел в широкую часть бухты, где располагались два самых старых и богатых историческими памятниками города – Котор и Пераст.

Прямо по курсу Александра увидела два небольших островка, на каждом виднелась церковь.

Рулевой рассказал, что один из них – естественного происхождения, второй же – искусственный: многие годы рыбаки и торговцы из соседнего города привозили на это место камни, пока в море не появился рукотворный остров, на котором позже возвели церковь замечательной красоты.

– В этой церкви находится чудотворная икона шестнадцатого века «Богоматерь в скалах», – закончил он рассказ и подвел кораблик к каменному пирсу.

Корабль пришвартовали, и туристы перебрались на островок.

Александра одной из первых перешла на пирс и огляделась.

Большую часть острова занимала церковь, к которой сбоку прилепилось готическое здание музея с ажурной каменной лестницей и резными воротами. Позади музея располагалось маленькое кладбище, несколько потемневших от времени каменных плит с надписями по-сербски, на одной из этих плит лежал скромный букетик.

Островок казался небольшим. Пассажиры туристического кораблика разбрелись по нему, и Александра осталась одна.

Она вошла в церковь. Внутри было полутемно и прохладно, пахло ладаном и свечами. Возле пышного барочного алтаря крестили ребенка. Старый седобородый священник что-то ласково говорил молодой красивой матери, она внимательно, почтительно слушала.

Александра почувствовала неловкость, отошла от алтаря и чуть не столкнулась с мужчиной в белой фуражке. Тот что-то разглядывал в левом приделе церкви. Александра попятилась, тихонько вышла из церкви и обошла ее с другой стороны. Здесь было тихо и безлюдно. В прозрачной воде возле берега медленно ходили-плавали, шевеля жабрами, крупные золоти-

стые рыбины. Александра загляделась на них и не услышала приближавшихся сзади шагов. Только когда на каменные плиты возле нее упала тень, она оглянулась.

Солнце слепило ее, и она успела разглядеть только мужской силуэт.

В следующую секунду ей на голову надели мешок, ее обхватили сильные руки и куда-то потащили.

– Что за дела! – выкрикнула она, скорее удивленно и возмущенно, нежели испуганно. – Отпустите меня немедленно!

Мешок был плотный и пыльный, он заглушал голос, а от пыли у нее засвербило в носу, и Александра чихнула. Она попыталась вырваться, пнула похитителя ногой – но промахнулась.

Ее подняли в воздух и швырнули на мокрые доски, раздался плеск, хлюпающий скрип – и Александра поняла, что она лежит на дне лодки, плывущей куда-то по морю...

– Гады, сволочи, мерзавцы, отпустите сейчас же! – закричала она, но из-за мешавшего ей мешка крик получился негромким и неубедительным, а главное – ей никто не ответил.

Скрип уключин и ритмичное покачивание лодки немного успокоили ее. Александра попыталась понять: что, собственно, с ней произошло и как из этого выпутаться?

Мыслей не было – только злость и растерянность.

Кому это могло понадобиться – похищать ее?

Она не знает никаких военных или промышленных секретов, у нее нет брата-олигарха, который заплатил бы за нее миллионный выкуп, дома у нее не висит картина работы Рембрандта или Веласкеса. Значит, на кого-то произвела впечатление ее неописуемая красота? Ну, это даже не смешно! Внешность у нее, конечно, яркая, выразительная, однако для похищения обычно выбирают девушек помоложе.

Оставались какие-то уж вовсе депрессивные варианты – вроде похищения из-за органов для трансплантации или для продажи ее в бордели Ближнего Востока.

Александра вдруг подумала, что зря она отгадила того пошлого типа в морской фуражке – возможно, тогда не стали бы ее похищать – все же свидетель! Хотя вряд ли бы он защитил совершенно незнакомую женщину.

Вдруг размеренный скрип уключин прекратился, лодка мягко ткнулась носом в берег.

Плыли они совсем недолго, доплыть до берега не успели бы – значит, ее перевезли на соседний островок...

Перед внутренним взором Александры встал этот небольшой остров – серые стены монастыря и огромные сосны, а людей не видно, туристов туда не возят.

Сильным грубым рывком ее подняли со дна лодки и опять куда-то поволокли.

На этот раз Александра молчала и не сопротивлялась – она поняла, что это бесполезно, и ждала, когда похититель наконец покажется ей и сообщит, чего, собственно, ему от нее нужно.

Эта тактика поведения себя оправдала.

Хлопнула дверь, стало заметно прохладнее, из чего Александра сделала вывод, что ее втащили в какое-то помещение. Наконец ее силой усадили на жесткий стул и сорвали с головы мешок.

Она находилась в просторном полутемном помещении со сводчатыми потолками и белыми стенами, на которых кое-где проступали полустертые изображения каких-то растений и животных. Перед ней стоял высокий мужчина в плаще с капюшоном. Из-под капюшона на Александру смотрели пронзительные темные глаза.

Увидев аккуратно подстриженные усы, она узнала мужчину, напавшего на нее вчера в старом городе. Сердце ее упало, в ушах и висках словно забили молоточки. Так вот в чем дело!.. Впрочем, встреча эта вовсе не была неожиданной: Александра в глубине души знала, что так просто он от нее не отстанет, но отгоняла от себя эту мысль.

– Ах, это ты! – процедила Александра, справившись со своим голосом. – Давно не виделись! И что же тебе нужно на этот раз?

– Нечего придуриваться! – неприязненным тоном ответил мужчина. – Ты отлично знаешь, что мне нужно.

– Ах, каме-ея... – удивленно протянула Александра.

Вчерашние события все еще казались ей какими-то нереальными. Ее, современную молодую женщину, твердо стоявшую на ногах и рассчитывавшую только на собственный ум и решительность, хватают какие-то уроды и требуют отдать им эту грошовую ерунду! В глубине души она считала, что это какой-то бред, мягкая форма солнечного удара. Кому могла так уж понадобиться камея, найденная ею на дне морском? Но вот же – этот странный мужчина последовал за ней, не поленился, похитил ее и вновь требует эту чертову камею!

Ничего не поделаешь – придется ее отдать.

Она уже хотела было сказать, где лежит ее находка, – но ее язык словно прирос к гортани, она не в состоянии была произнести ни слова.

И в следующую секунду Александра поняла почему.

Если она отдаст ему камею, точнее, если скажет, где она спрятана, – вовсе не факт, что этот человек отпустит ее. Наоборот – что-то ей подсказывало, что, едва заполучив камею, он ее убьет. В самом деле – не повезет же он ее обратно! Экскурсанты давно уехали, и ее отсутствие заметит разве что тот приставучий тип в морской фуражке. Да и то – после того, как она так по-хамски его отвадила, он из вредности промолчит. Так что никто ее не хватится. И этому типу с усами проще выбросить ее труп в море. Или прямо тут закопать.

Александра всегда умела мыслить здраво и называть вещи своими именами.

И еще одно.

Александре очень не хотелось расставаться с камеей. Эта камея долго, очень долго лежала на дне моря и ждала ее, именно ее! Это ее вещь!

– В последний раз спрашиваю – где камея? – мужчина придвинулся к ней, в глазах, сверкавших из-под капюшона, горела мрачная ярость. – Уж здесь-то тебе никто не поможет!

Александра поняла, что в данном случае он прав.

– Так где она? – мужчина отбросил капюшон на плечи, схватил ее за волосы, накрутил их на руку и встряхнул Александру, как тряпичную куклу. – Говори живо, куда ты ее спрятала?!

Глаза похитителя были абсолютно безумными. Александра поняла, что перед ней – фанатик, настоящий средневековый фанатик! Такие в Средние века шли на костер, но еще чаще посылали на него других людей по велению инквизиции!

– Говори, где камея, иначе пойдешь на корм рыбам! Но перед этим тебе будет больно, очень больно!

Александра всегда отличалась богатым воображением, без этого в ее профессии просто нечего делать. Она живо представила себе, как он привяжет к ее ногам огромный камень и бросит на дно бухты... Те золотистые рыбы, которыми она только что любовалась, объедают ее лицо... впрочем, ей-то на это будет уже наплевать! По той простой причине, что она будет мертва.

Александру невольно передернуло от такой перспективы.

Может, все же сказать ему, где она спрятала камею?

Она вспомнила свою террасу, пластмассовую лейку с теплой водой и лежавшую на ее дне камею. Сказать ему – и все закончится...

Вот именно, все закончится! Горевшие ненормальные глаза похитителя не оставили у нее никаких сомнений: узнав, где она спрятала камею, он ее в живых не оставит. Ему не нужны свидетели.

Нет, говорить правду этому психу нельзя, но и долго молчать не выйдет, он настроен очень серьезно и вскоре примется мучить ее – по всем правилам средневековой инквизиции.

Значит, нужно повернуть дело так, чтобы она по-прежнему была ему нужна, чтобы без нее похититель не смог заполучить злополучную камею. Надо перехитрить его, и требуется

сыграть искреннее, чистосердечное признание так, чтобы он ей поверил! Изобразить страх, растерянность, унижение... И это легко получится, ведь она и в самом деле напугана и растеряна.

– Не надо! – взвизгнула она. – Не делайте мне больно!

– Еще не то будет! – мрачно пообещал он и ударил ее по щеке так, что ее голова мотнулась в сторону.

Было ужасно больно, и из глаз Александры хлынули непритворные слезы.

– Не бейте! – вскрикнула она, закрыв лицо локтем. – Не бейте, я скажу, я все вам скажу!

– Ну так говори! – рявкнул мужчина.

Александра всхлипнула, опустила глаза и едва слышным, дрожащим голосом проговорила:

– Я очень испугалась после того, как вы вчера... ну, тогда, в старом городе... вы напали на меня... это было так страшно, так непонятно и неожиданно...

Мужчина внимательно слушал ее и следил за выражением ее лица. Александра чувствовала себя, как на генеральной репетиции перед самым строгим режиссером, и играла с полной отдачей сил. Сергей Медеников никому и никогда не делал никаких послаблений, будь то хоть жена, хоть любовница, хоть мать родная.

– Я испугалась, – повторила она, всхлипнув. – Но я не хотела отдавать вам камею, и утром, перед тем, как отправиться на пирс, оставила ее на хранение у одного парня на пляже...

– У какого еще парня? – недоверчиво переспросил мужчина.

– Ну, знаете, там, на пляже, дежурит такой симпатичный парень, голубоглазый блондин. У него можно оставлять на время ценные вещи. Например, мобильный телефон, кошелек и тому подобное... Вы же понимаете, когда купаешься, вещи остаются без присмотра... вот у него я и оставила в конверте ту камею...

Похититель слушал ее очень внимательно, и в его взгляде она не заметила сомнений. Кажется, ей удалось сыграть свою роль достаточно достоверно! Она выдержала этот экзамен!

– Что он тебе дал – квитанцию?

– Нет! Я не взяла у него квитанцию – мало ли что, ее ведь можно потерять. И вообще – зачем она нужна? Тот парень меня хорошо знает и отдаст конверт без всякой квитанции. Но только мне в руки!

– Вот как! – похититель помрачнел, задумался... Достал из кармана мобильный телефон, отступил на несколько шагов и с кем-то заговорил. Говорил он очень тихо, так что Александра не могла разобрать ни слова, сообразила только, что беседа ведется не по-русски.

Она воровато огляделась по сторонам.

Пожалуй, сейчас – самый подходящий момент для побега! Похититель занят разговором и не успеет перехватить ее. Главное – выбраться наружу из этого склепа, добежать до берега... Даже если она не найдет лодку, на которой ее сюда привезли, она доберется до соседнего островка вплавь, а там всегда полно туристов...

Александра метнулась к выходу, но навстречу ей из-за колонны выступил низкорослый широкоплечий мужчина с огромной окладистой бородой, похожий на сказочного гнома. В руке у него блеснул короткий нож.

– Куда, красавица? – проворчал он басом. – Не спеши, ты еще не закончила разговор с хозяином.

Александра попятилась, и тут ее крепко схватил за локти первый похититель.

– Сбежать хочешь? – зашипел он ей прямо в ухо. – Далеко не убежишь! Здесь повсюду мои люди! Сейчас за нами придет катер, и мы поедem, заберем камею. Но если ты мне наврала – берегись!

Он вывел ее наружу. Они действительно были на втором островке, естественного происхождения, на той его стороне, откуда не был виден рукотворный остров с церковью. Соответ-

ственно, и их не могли увидеть оттуда, так что не было смысла звать на помощь. Александра зябко повела плечами. Похоже, дела ее плохи. Однако не в ее правилах отчаиваться раньше времени. Еще не все потеряно! Она вскинула голову и твердо зашагала за усатым похитителем.

Ее подвели к самому берегу. Здесь стояла лодка, на которой ее привезли, но они направлялись не к ней, а к низкому каменному пирсу.

Через несколько минут неподалеку послышался приближавшийся звук лодочного мотора, и из-за поворота показался быстроходный катер с кабиной.

Катер подошел к острову, сбросил ход и ткнулся носом в причал. Возле штурвала стоял до черноты загорелый человек в синей бейсболке, повернутой козырьком назад.

Бородатый «гном» помог перекинуть на катер сходни, по ним и перетасили Александру. Вся компания разместилась на катере, и смуглый моряк запустил мотор.

Катер отошел от пирса и, быстро увеличивая скорость, помчался в обратном направлении.

Александра сидела на скамье и думала, что ее ждет впереди. Ее приведут на пляж, там быстро выяснится, что она никому не оставляла камеею на хранение, и этот фанатик озверев окончательно...

Но она хотя бы выиграла немного времени, кроме того, на пляже всегда много людей, и на глазах у них убить ее не посмеют... или все же посмеют?

Ее похититель сидел рядом, опустив на голову капюшон. Из-под него его мрачные глаза неотступно следили за Александрой. Казалось, он замечает не только каждое ее движение, но и каждую мысль.

Скоро они подошли к Веригам, к самому узкому месту бухты. За этим проливом ветер был гораздо сильнее, здесь играли, танцевали волны с пенными барашками гребней. Рулевой слегка снизил скорость лодки, повернул штурвал налево, навстречу ветру...

И вдруг из-за левого мыса навстречу их катеру вылетела другая моторная лодка.

Рулевой что-то испуганно выкрикнул по-сербски, резко повернул штурвал, пытаясь избежать столкновения, но неизвестная лодка шла встречным курсом, явно не собираясь сворачивать. Она мчалась, зарываясь носом в низкие волны, прямо наперерез катеру.

Глава шайки вскочил, откинув капюшон, что-то приказал рулевому и вытащил из-за пазухи пистолет.

Рулевой бешено крутил штурвал, всеми силами пытаясь избежать столкновения, но только потерял скорость. Катер крутился на месте и плясал на волнах, из-за этого главарь не мог как следует прицелиться. Он дважды выстрелил в атаковавшую их лодку, но оба раза промазал. Моторка стремительно приближалась и вдруг со страшным, душераздирающим треском врезалась в борт катера.

Александра испуганно вскрикнула, взмахнула руками – и оказалась в воде.

Плавала она хорошо и сразу же, несколько раз сильно взмахнув руками, отплыла от места столкновения. Затем, приподнявшись на гребне, она огляделась. Катер похитителей развалился на две части, на волнах плавали его обломки. Похитителей не было видно. Незнакомая лодка медленно кружила чуть в стороне.

Вдруг над водой мелькнула чья-то рука, затем показалась голова с темными, стянутыми в хвост волосами... Александра узнала главаря похитителей. Он широко открыл рот, что-то крикнул – и вновь погрузился в воду, накрытый волной с головой.

Александра поплыла к ближнему берегу, но каждый гребок давался ей все тяжелее.

Видимо, во время столкновения она обо что-то ударилась головой: на нее накатила смертельная слабость. Кроме того, с каждой минутой ветер усиливался, волны становились все выше, они накрывали Александру с головой, и каждый раз она все с большим трудом выныривала на поверхность.

Перед ее глазами снова возникли крупные золотистые рыбы.

Неужели она все-таки послужит им кормом?!

Стараясь сохранить силы, Александра легла на спину – и тут ее захлестнула огромная волна...

В глазах у нее потемнело, легкие разрывались от недостатка воздуха. Александра рванулась вверх, пытаясь выбраться на поверхность. Вода над ее головой посветлела, еще немного, еще одно усилие – и она всплывет, глотнет воздуха...

Сил не хватило. Море не хотело отдавать свою добычу.

Александра почувствовала свинцовую тяжесть в ногах, во всем теле, она неумолимо тянула ее на дно.

И вдруг ее подхватили чьи-то сильные руки, вырвали из воды, перебросили через борт лодки. Над ней склонилось странно знакомое лицо, изуродованное страшными шрамами. Она хотела что-то сказать – и потеряла сознание.

Пришла в себя Александра от холода.

Она открыла глаза, приподнялась на локте и огляделась.

Она лежала на траве, а совсем рядом, в нескольких шагах от нее, синело море. Ветер стих, волны улеглись, и на поверхности бухты играли на солнце все оттенки бирюзы.

Солнце медленно опускалось, день клонился к вечеру, но холодно Александре было оттого, что ее одежда была еще влажной.

Тут она вспомнила все: плавание на экскурсионном кораблике, похищение, столкновение с неизвестной лодкой, свою отчаянную попытку доплыть до берега...

Она вскочила на ноги и оглядела бухту.

В стороне от берега по воде расплылось маслянистое пятно, плавало там и несколько обломков – все, что осталось от катера похитителей. Их нигде не было видно, должно быть, столкновение с таинственной лодкой стоило им жизни.

Зато она жива, жива и свободна!

Сунув руку в карман, она нащупала кошелек и мобильный телефон. Правда, телефон безнадежно испортила морская вода, но в кошельке оставались деньги.

Александра нашла тропинку и через полчаса вышла на шоссе, опоясывавшее всю бухту.

Вскоре ей удалось остановить попутную машину. Водитель-серб удивленно оглядел ее, но ни слова не сказал и за двадцать евро довез до ее городка.

Пока они ехали, солнце село. Как это всегда бывает на юге, моментально наступила ночь.

Александра вышла возле маленького магазинчика и побрела к знакомой лестнице, по которой можно было подняться к ее дому. Одежда ее подсохла, так что Александра никому не бросалась в глаза.

От основания лестницы просматривался пляж. Там мелькали огни и наблюдалось необычное для этого времени суток скопление народа. Все толпились вокруг какого-то большого темного предмета, лежавшего на береговой гальке.

Ощувив некое странное беспокойство, Александра спустилась на пляж и подошла к одной из групп. Люди тихо переговаривались, вздыхали, горестно качали головами.

– Что случилось? – спросила Александра.

К ней обернулся высокий седой человек лет шестидесяти и проговорил:

– Какой молодой! Жалко...

– Да что там такое? – Александра втиснулась в толпу, работая локтями и коленями. Ее пропускали, только еще какой-то старик сказал, поправив длинные усы:

– Не надо бы тебе, дочка, смотреть...

Тем не менее она пробилась в самый центр толпы и увидела то, что там лежало.

Сначала она увидела загорелое мускулистое тело, светлые волосы и голубые глаза. Правда, волосы были спутаны и всклокочены, а глаза помутнели и погасли, но Александра все

же узнала своего знакомого – парня, дежурившего на пляже. Он смотрел в звездное небо и как-то странно улыбался.

И только через минуту она поняла, что это вовсе не улыбка.

Горло парня было перерезано от уха до уха, словно у него появился второй, широко открытый рот.

Александра отшатнулась, еле справившись с внезапно подступившей тошнотой, и спряталась за чью-то спину. Ее забила крупная дрожь.

– Я говорил тебе, дочка, что не надо на это смотреть! – проговорил усатый старик и положил ей на плечо тяжелую сильную руку. – Не для женских глаз такие зрелища!

– Кто его?! За что его?.. – пробормотала Александра.

– Кто – не знаю... – старик пожал плечами. – Только точно – это сделал не наш человек! Наши люди на такое не способны! А за что... этот парень принимал вещи на хранение, прятал в шкафчики. Убийца взломал их...

Рядом остановилась машина с синим «маячком», появились важные, значительно выглядявшие полицейские в черной униформе, велели всем посторонним разойтись.

Александра побрела к своему дому, пытаясь привести мысли в порядок, как-то свести концы с концами.

Она сказала похитителю, что отдала камеею на хранение этому парню – и вот его убили... его убили, а шкафчики взломали... значит, это случилось из-за нее...

Александра застыла на месте и закусил губу.

Выходит, парня убили из-за ее слов?! Что же она наделала! Она обрекла человека на смерть...

Она прикрыла глаза, вспоминая, как болтала с ним о том о сем, как он угощал ее колой или настоящим кофе... Несколько дней назад он подарил ей красивую раковину...

И тут она одернула себя.

Неизвестно еще – может быть, его убили совсем по другой причине, а она теперь будет винить себя, еще, чего доброго, и спать перестанет!

Ей нужно было срочно что-то придумать, чтобы спасти свою жизнь, – вот она и придумала. Ничего плохого она не имела в виду. В конце концов, в этой жизни каждый стоит сам за себя.

И вообще, тот тип в капюшоне погиб во время столкновения двух лодок, он утонул, так что нет никакой связи со смертью этого парня... как же его звали?

Александра мучительно пыталась вспомнить имя загорелого парня. Почему-то это казалось ей необыкновенно важным...

Ах, да, ведь его звали Милан! Ну и что? Здесь каждого второго мужчину зовут или Миланом, или Душаном, или в крайнем случае Слободаном! Значит, такая уж у него была судьба...

Все равно парню уже ничем не поможешь, а вот ей следует подумать о себе. И, боже мой, как же ей надоела эта Черногория! Говорили – тихая спокойная страна, преступлений тут почти не бывает, даже двери можно не запирать. Ага, как же... То нападают, то похищают, то едва не утопили ее! Хорошо, что завтра она улетает...

* * *

На следующее утро Александра проснулась рано.

В двенадцать часов за ней должен был заехать таксист, чтобы отвезти в аэропорт, а требовалось еще собрать вещи.

Она хотела напоследок искупаться, но вдруг вспомнила вчерашний вечер, толпу на пляже, сгрудившуюся вокруг мертвого парня, и почувствовала, что не сможет еще раз оказаться на том же месте.

Там, на пляже, ей слишком многое будет напоминать об этой страшной и нелепой истории.

Вещи она сложила быстро и все же решила до отъезда выпить кофе. На берег идти она была не в состоянии после вчерашнего и заглянула в маленькую кофейню, располагавшуюся на полпути к старому городу.

Она сидела за столиком в тени старого раскидистого платана и смотрела на море, синевшее в просвете между домами.

За эти две недели она привыкла к этому виду, привыкла к одуряющему аромату цветов, к ослепительному южному солнцу, к ощущению покоя и безмятежности. Даже странные, трагические события последних дней не перевешивали этого блаженного состояния. Но сегодня она вернется в свою обычную жизнь, надо перестраиваться: в Петербурге ей придется вновь включаться в борьбу за существование, в непримиримую борьбу за место под солнцем, и здешнее благодушное, безмятежное настроение необходимо оставить в шкафу вместо купальников и легких летних платьев, которые она увезет домой.

Кофе показался ей не таким вкусным, как обычно, и принесла его не та официантка, которая всегда ее обслуживала, а пожилая темноволосая женщина, прежде торговавшая в маленьком кондитерском магазинчике при кофейне.

Александра проводила ее взглядом и увидела в комнатке за стойкой знакомую официантку. Она сидела сгорбившись перед низким столиком. Плечи девушки вздрагивали от рыданий.

Когда продавщица из кондитерской вновь вышла в зал, Александра попросила у нее счет и тихонько спросила:

– Что со Снежаной случилось?

Имя молодой официантки вдруг всплыло у нее в памяти.

– Ой, такое несчастье! – ответила ей женщина, покосившись на открытую дверь. – Ее друг умер, Милан...

Александре вдруг стало холодно. Она прикрыла глаза – и увидела ночной пляж и людей, столпившихся вокруг мертвого тела... И все вчерашнее вспомнилось ей так ярко – как тонул катер и мелькнуло напоследок перед ней перекошенное лицо того типа и его горящие глаза. Александру передернуло. Вот уж о ком она не пожалеет никогда в жизни! Сам напоролся.

Его сообщники утонули вместе с катером, но если убили Милана, значит, остался кто-то еще...

Взглянув на часы, она поняла, что до отъезда остался всего час, и заторопилась.

Войдя в квартиру, Александра решила напоследок полить цветы в садике. Взяла лейку, направила ее под корень бугенвиллеи – но вода не полилась.

В чем дело? Воды в лейке было вполне достаточно, значит, что-то попало в носик...

И тут она вспомнила о камее.

Запустив руку в лейку, она нащарила камеею под водой, вытащила ее и растерянно взглянула на овальный розоватый камень.

Первой ее мыслью было оставить камеею здесь, в Черногории, и забыть о ней, как забывают страшный сон. В самом деле, из-за этой штучки у нее пока что были только одни неприятности!

Но чем дольше она смотрела на розовый камень, на смеющуюся маску с провалами глаз – тем яснее понимала, что не хочет расставаться с ней. Что за дела! Она нашла ее, достала со дна моря, она, Александра, имеет на нее все права, а то, что какой-то жуткий тип пытался ее отобрать, ее совершенно не касается, тем более что она своими глазами видела, как он утонул, так что вопрос закрыт...

У нее мелькнула еще какая-то неоформившаяся мысль, но в это время в дверь позвонил таксист, и Александра обо всем забыла. Она машинально сунула камею в карман и подошла к двери.

Самолет взлетел точно по расписанию.

Александра дремала в кресле, и с каждой минутой полета Черногория с ее ослепительным солнцем и пышной тропической природой отходила от нее все дальше и дальше, становилась все менее реальной, как будто ее никогда и не было, а Петербург – с его отвратительной погодой, с повседневными заботами и проблемами – неотвратимо приближался и становился единственной и несомненной реальностью.

Уходило в туман небытия и все произошедшее с ней в Черногории.

Александра уже не верила в реальность этих событий, не верила, что все это было с ней. Казалось, что она прочла на пляже какой-то приключенческий роман в потрепанной бумажной обложке и приняла за реальность события, описанные в нем.

* * *

Выйдя из особняка Гнея Домиция Агенобарба, предсказательница Сатурнина направилась в сторону форума. Однако, немного не дойдя до него, она отпустила чернокожую служанку, огляделась по сторонам и свернула в мрачный лабиринт переулков возле знаменитой и страшной Мамертинской тюрьмы. Здесь, в этих гнилых местах, обитали беглые рабы и гладиаторы, игроки в кости и стукалку, а также прочие сомнительные и опасные личности. Сюда редко заглядывали патрули преторианской стражи, зато здесь часто можно было встретить грабителя или убийцу, или еще кого-нибудь из тех, кто называет себя «народом ночи».

Не успела Сатурнина пройти и сотню шагов, как навстречу ей из глубокой тени выступила закутанная в рваный плащ фигура. Как раз в это мгновение из-за облаков выглянула луна, и ее мертвенный свет озарил лицо ночного бродяги.

Лицо это было страшным: кривой шрам пересекал его от подбородка до левого глаза, и вместо ока на лице зиял черный провал.

– Ох ты, какая знатная госпожа забрела в наши края! – проговорил одноглазый, хищно оглядывая Сатурнину. Так кот оглядывает испуганную горlinkу, которая сломала крыло и не может взлететь. – Должно быть, госпожа заблудилась? Так я могу за умеренную плату показать дорогу и даже проводить госпожу куда ей угодно!

– Я не нуждаюсь в твоих услугах, красавчик! – ответила Сатурнина. – Я хорошо знаю дорогу, и мне не нужен провожатый!

– Ах вот как? – перебил ее одноглазый. – Коли ты знаешь дорогу – так знаешь и то, что в здешних местах положено платить за проход! Я собираю пошлину в пользу «народа ночи»! – С этими словами он выхватил из складок своего драного плаща длинный заржавленный нож и нацелил его в грудь женицыны: – А ну, гони деньги!

– Это ты-то говоришь от имени «народа ночи»? – отозвалась Сатурнина, не скрывая насмешки. – Что ты знаешь о ночи, несчастный побирюшка!

– Я знаю о ней все! – прохрипел грабитель и замахнулся ножом. – Ночь – моя мать и кормилица! В темноте я – как у себя дома! Я – один из тех, кто крадется под покровом тьмы и собирает дань со случайных прохожих! Хватит болтать – давай мне свои деньги!

– Слушаю и повинуюсь, – ответила Сатурнина с фальшивой покорностью и протянула грабителю кожаный мешок.

– Давно бы так! – тот ухмыльнулся, отчего его изуродованное лицо стало еще отвратительнее. – Что-то твой кошелек больно легкий! Золото обычно куда тяжелее. Не хочешь ли ты, несчастная, обмануть сборщика податей?

Он дернул завязки и запустил руку в мешок. Тотчас же окрестности огласил крик изумления и боли. Грабитель выдернул руку из мешка и затряс ею в воздухе.

– Что это?! – Он швырнул мешок на землю, и оттуда выползла небольшая зеленая змейка с черной полосой вдоль туловища.

– Это нубийский аспид, – спокойно ответила Сатурнина. – Его укусы смертельны. Так что ты, красавчик, не проживешь и часа! Не стоило тебе собирать подати от имени «народа ночи», о котором ты равным счетом ничего не знаешь.

– Ведьма! – хрипло выкрикнул незадачливый грабитель, в ужасе глядя то на змею, то на ее хозяйку. – Проклятая ведьма! Ты за это заплатишься... заплатишься своей жизнью...

Он вновь замахнулся ножом, попытался ударить Сатурнину, но клинок выпал из слабеющей руки, грабитель схватился за грудь и пошатываясь побрел куда-то в темноту – в вечную темноту.

А Сатурнина, проводив его взглядом, наклонилась и проговорила шипящим шепотом, обращаясь к зеленой змее:

– Возвращайся домой, дружок! Ты сделал свое дело!

Змея послушно заползла в мешок, предсказательница подняла его и продолжила путь.

Впрочем, шла она недолго: не прошло и десяти минут, как она остановилась возле жалкой лачуги, пригнувшись к склону холма, и трижды постучала в дверь.

– Кто беспокоит нас в такой поздний час? – донесся из-за двери сварливый голос.

– Я проделала немалый путь, чтобы прийти к вам! – отозвалась Сатурнина.

Дверь открылась с жалобным ревматическим скрипом, и предсказательница вошла в лачугу. Ее встретила старая женщина с седыми всклокоченными волосами, похожая то ли на этрусскую ведьму, то ли на одну из мстительниц – эриний. Облачена она была в жалкие лохмотья, но на морщинистом лице жили своей жизнью яркие внимательные глаза. Едва тлеющую сальную свечу старуха поднесла к лицу ночной гостьи.

– Это ты, сестра Сатурнина! – прошамкала старуха. – Проходи, отец ждет тебя!

Казалось, кроме нее, в хижине никого нет. Только в грубом очаге, сложенном из неотесанных камней, тускло горел огонь, над которым в котелке булькало какое-то отвратительное варево, да рядом с очагом за грубой занавеской покачивалась деревянная колыбель. Однако старуха отдернула занавеску и сдвинула колыбель в сторону.

В стене за колыбелью обнаружился низкий лаз. Сатурнина взяла из рук старухи сальную свечу, согнулась в три погибели, протиснулась в щель и оказалась в коридоре, вырубленном в глубине скалы.

Под великим древним городом Римом вся земля была пронизана бесчисленными ходами и коридорами. Заброшенные каменоломни, штольни и подземные ходы, созданные римлянами за тысячу лет жизни города, источили скалистую почву, как черви выедают изнутри перезревшее яблоко. В этих катакомбах прячутся беглые рабы и преступники, здесь же находят приют члены тайных запрещенных сект. Никто не знает доподлинно всех потайных мест подземного города, и никто не рискует излишне углубляться в тайные ходы. Суеверные бедняки и рабы шепотом передают друг другу страшные рассказы о живущих в катакомбах чудовищах, о многоголовой собаке, охраняющей спрятанные здесь сокровища, о новой секте христиан, которые совершают под землей свои кровавые обряды, о том, что именно здесь, в подземных катакомбах, находится вход в загробный мир, в Царство Мертвых.

Прорицательница Сатурнина не была суеверна, она ничуть не боялась идти по подземному коридору. Пройдя с десяток шагов, она уверенно повернула направо и увидела впереди тусклый мерцающий свет.

Вскоре этот свет стал настолько ярким, что Сатурнина задула свечу, прибавила шагу и оказалась в просторном подземелье с высоким сводчатым потолком.

Посреди этого грота стоял медный бык почти в натуральную величину. На шее быка висели ожерелья из недавно срезанных цветов, рога его были вымазаны темной запекшейся кровью. Перед медной статуей горели несколько ярких масляных светильников, и стоял спиной к Сатурнине высокий человек в длинной одежде из багряной, отделанной золотом драгоценной ткани.

Услышав шаги Сатурнины, он обернулся.

Он был чем-то похож на прорицательницу: такие же густые брови, пронзительные темные глаза, смуглое лицо, иссеченное глубокими складками. На черных густых волосах, заплетенных в десятки кос, покоилась митра с изображением золотой змеи – головной убор жреца.

– Здравствуй, дочь моя! – проговорил жрец, благословляя Сатурнину плавным жестом. – Скажи, с чем ты пришла в наше тайное святилище?

– Здравствуй, отец! – ответила прорицательница, низко поклонившись. – Жена Гнея Домиция Агенобарба, сестра императора, разродилась мальчиком. Я была у нее и совершила обряд.

– Что предвещали знамения?

– Знамения были благоприятны: мальчик вырастет и станет императором.

– Что принесет его правление Риму?

– Его правление будет ужасно. Он убьет собственную мать и разрушит родной город.

– Слава Молоху! – воскликнул жрец, повернувшись к медному изваянию быка. – Наконец-то наши молитвы услышаны! Наконец-то надменный Рим понесет заслуженное наказание за то, что разрушил наш родной город, великий Карфаген! Наконец-то будет низвержена статуя Юпитера Капитолийского и на его месте воздвигнется медный бык, наш великий и грозный бог Молох!

Внезапно он вновь повернулся к Сатурнине, пристально взглянул на нее и спросил:

– Передала ли ты матери будущего императора священные маски?

– Конечно, отец! – заверила жреца Сатурнина. – Я вручила ей обе маски и заверила Агриппину, что они принесут ее первенцу здоровье и долголетие, а главное – помогут ему добиться верховной власти.

– Слава Молоху! – повторил жрец и подал кому-то сигнал.

Тотчас же из бокового коридора появились двое молодых мужчин с плетеной корзиной в руках. Они поднесли корзину к медному изваянию, поставили ее на землю, откинули плетеную крышку.

В корзине лежал белоснежный ягненок с нежной кудрявой шерстью. Ягненок смотрел на жреца кроткими невинными глазами и не издавал ни звука – должно быть, страх полностью парализовал его.

Жрец схватил ягненка левой рукой, поднял к морде медного быка и воскликнул сильным, звучным голосом:

– Великий Молох, бог наших отцов и дедов, бог великого Карфагена, владыка моря и земли, прими эту невинную жертву от своих верных слуг! Ты видишь, что ягненок этот непорочен, ни одного черного пятна нет на нем – значит, угодна будет тебе такая жертва!

Ягненок затрепетал, чувствуя приближение смерти.

Правой рукой жрец поднял священный нож, выточенный из черного камня с отрогов Атласских гор, и одним взмахом клинка перерезал горло жертвенному животному. Алая кровь ягненка брызнула на рога медного быка.

И тут из его медной глотки послышался, нарастая, глухой торжествующий рев.

– Слава Молоху! – воскликнул жрец, отбросив все еще трепещущее тельце ягненка. – Великий Молох принял нашу жертву! – Он повернулся к Сатурнине и проговорил уверенным

властным тоном: – Сегодня великий день! Сегодня родился человек, который разрушит гордый Рим, совершив великое возмездие.

Этот город достоин смерти. Его жители возомнили себя владыками мира, они отправили свои легионы в Галлию и в Германию, в Испанию и в Иллирию, в Британию и в Африку. Гордые римляне разрушили великий Карфаген, могучий и свободный город наших отцов, город мореплавателей, торговцев и воинов. Гордые римляне не оставили от Карфагена камня на камне! Они разрушили дворцы правителей и невольничьи рынки, они разрушили школы и стадионы, они разрушили храмы, и теперь мы должны служить Молоху в этом мрачном подземелье. Но возмездие неотвратимо! Справедливость восторжествует! Скоро придет час, когда медное изваяние нашего великого бога воцарится на Капитолийском холме, и тысячи верных будут приносить ему кровавые жертвы! Мир снова услышит грозное имя нашего бога, услышит – и содрогнется! Карфаген не смог одолеть римлян силой своего оружия, хотя во главе его войск стоял великий, непобедимый Ганнибал. Ну что ж – мы победим их руками самих римлян, руками их будущего императора! Слава Молоху!

– Слава Молоху! – повторила вслед за жрецом Сатурнина.

* * *

Дома Дашу встретил злой и голодный муж.

– Где, интересно, ты ходишь? – сразу набросился он на Дашу. – Я пришел пораньше, думал, раз у тебя выходной, мы поужинаем вместе по-семейному, а жену, оказывается, где-то носит!

– Я Лидию Васильевну на дачу возила! – буркнула Даша, но муж и слушать не хотел никаких оправданий.

– Целый день дома сидела!.. – патетически начал он словами классического анекдота, но Даша круто развернулась и заторопилась в ванную комнату, пока ее не заняла свекровь.

Когда она вышла, муж демонстративно резал черствый батон и выдавливал на булку печеночный паштет из запаянной «колбаской» упаковки. Дырку в «колбасе» он проколол вилкой, так что по булке размазалось нечто очень неаппетитное.

С голодным мужчиной спорить бесполезно, это Даша тоже узнала от мамы. И ведь были у нее на сегодня планы – повозиться в кухне, приготовить лазанью или запечь форель с лимоном и базиликом. Почему бы не побаловать мужа в свой законный выходной? Но свекровь выдернула ее в эту поездку, как морковку с грядки, даже заранее не предупредив, и все Дашины планы пошли прахом.

Даша открыла холодильник. Так, продукты-то есть, но все в сыром или замороженном виде. Придется «как всегда», вздохнула она и поставила на плиту две кастрюли – для макарон и для сосисок.

– Опять сосиски... – обиженно протянул муж.

– Не нравится – не ешь! – буркнула Даша.

Муж поглядел ей в глаза, понял, что она тоже голодная и злая и что его возражения могут привести к семейной сцене. Не то чтобы Даша устроит полноценный скандал с битьем посуды, это не в ее характере, но она будет долго на него дуться и обижаться.

Надо отдать ему должное – Димка скандалов не любил. Поэтому он мигом сменил тактику, тем более что после поедания четырех бутербродов ощутил «минимальную» сытость и умиротворение.

– Да ладно, поедим и сосисочек! – он подмигнул Даше и достал из холодильника бутылку пива.

Явилась свекровь – в розовом атласном халате, втянула носом воздух и, учуяв запах сосисок, страдальчески подняла глаза к потолку, как будто там было написано что-то интересное.

– Это преступление – после тяжелого рабочего дня кормить человека сосисками! – молвила она с выражением, с каким, вероятно, леди Макбет посылала своего мужа убивать короля Дункана. – Я-то ладно, мне все равно недолго осталось, но...

В присутствии сына она открыто к Даше никогда не цеплялась и вечно представлялась женщиной больной, слабой и немощной.

После ужина, свершившегося в молчании, свекровь отправилась к себе, отдыхать и смотреть телевизор, Димка ушел в Интернет, а Даша на кухне мыла посуду и варила суп на завтра. Свекровь могла бы это сделать и сама, но Даше не хотелось ни о чем ее просить. Потом она протерла пол, потом пыталась отчистить свою куртку, потом закрепила ремешок на сумке – тот мерзавец на заправке все-таки успел его надрезать!

В спальне она наскоро подобрала разбросанные вещи, а когда перекидывала джинсы, из их кармана на пол выпала камея и покатилась прямо под ноги мужу, сидевшему за письменным столом.

– Что это у тебя? – он наклонился и протянул было руку, но Даша бросилась к камню коршуном и успела выхватить камею у него из-под рук.

– Не тронь!

– Дашка, да ты чего?! – оторопел он. – Что с тобой?

– Что?! – закричала она. – Целый день твою мамашу возила, как наемный водитель! Так вместо «спасибо» только хамство всю дорогу и слышала!

Она вовсе не собиралась жаловаться мужу на свекровь, не было у нее такой привычки. И не в первый раз нечто подобное случилось, и Даша обычно справлялась сама, без жалоб и причитаний. Но сейчас ей очень не хотелось показывать мужу камею, не потому, что стыдно было признаваться, что она взяла ее без спроса на чужой даче. Просто это была *ее* вещь, только *ее*!

Сжимая камею в кулаке, она твердо осознала, что никому ее не покажет и никому не отдаст. Поэтому и начала она орать, чтобы криком отвлечь мужа от камеи. Это ей удалось без труда: он тут же переключился на другую тему.

– Ты о моей матери так не говори... – начал он неуверенно.

– Еще и подружку свою мне навязала, эту заразу Изольду! Дачу ей посмотреть понадобится!

Изольду Димка и сам терпеть не мог – она вечно ставила ему в пример своего зятя – какой он, мол, деловой и удачливый.

– Ну, отказалась бы...

– Ага, как же... – отмахнулась от него Даша, – легче товарный поезд остановить, чем твою маму, когда она чего-нибудь захочет!..

Димка обиженно засопел и уткнулся в экран монитора. Даша незаметно спрятала камею в сумку.

* * *

Наутро Даше удалось не столкнуться со свекровью в кухне и выехать из дома пораньше. Она не попала в пробку и успела запарковать машину возле офиса на свободном месте. Дальше начались обычные повседневные проблемы.

Фирма занималась торговлей парфюмерией и косметикой. Фирма была маленькой – несколько магазинчиков и офис. Народу в офисе трудилось шесть человек. Директор, он же хозяин, Михаил Борисович, бухгалтер Ольга Павловна и три менеджера, из которых старшая – Даша. Еще были секретарши.

Михаил Борисович был мужчиной организованным. Поскольку коллектив под его началом был исключительно женским – учитывалась специфика товара, – он сразу навел везде порядок и, по его собственному выражению, привел всех к общему знаменателю.

Никаких ссор, склок и свар на работе, говорил шеф. Мужиков не делить, сплетни не разносить, тряпки не мерить!

Причем непонятно, что он имел в виду, потому что из мужского пола в наличии имелся только он сам, а уж свою-то личную жизнь он упорядочил с самого ее начала.

Личная жизнь Михаила Борисовича проходила у всех на глазах, он ничего не скрывал от коллектива. Была она проста, как редис, и незатейлива, как грабли, и заключалась в частой смене секретарш. Зачем выдумывать велосипед, когда за тебя все уже выдумали другие?

Секретарша была шестым членом их небольшого коллектива. Обычно девушки держались на работе полгода, потом переходили в иное качество. Одна из них, самая удачливая, года полтора тому назад стала женой шефа. Другая недавно закончила институт и нашла приличную работу в Москве.

В основном девицы увольнялись без скандалов и слез и дальше устраивались в жизни как могли. И только предпоследняя, Катерина, осталась в фирме и перешла из секретарей в менеджеры. У нее был совершенно пофигистский характер, ко всему на свете она относилась спокойно и с юмором. Она подружилась бы даже со своей «сменщицей-последовательницей», но та сразу поставила себя выше всех, вела себя вызывающе и явно нарывалась на скандал.

У Даши из-за этой новой девицы возникли сплошные неприятности. У нее и так были проблемы в их небольшом коллективе, причем не у сотрудниц с Дашей, а у нее – с ними.

Шеф Михаил Борисович любил во всем определенность.

– Дарья, – повторял он, – ты – старшая, и спрошу я только с тебя! Как уж ты заставишь их работать – твои проблемы. Меня это не волнует. Все должно быть выполнено к сроку, хоть всю ночь тут сиди.

Бухгалтер, Ольга Павловна, свое дело знала и вполне справлялась одна, без помощников. А вот девицы постепенно садились Даше на шею. Одну бросил хахаль, и она неделю рыдала (в течение всего рабочего дня), у другой ребенок то дрался в садике, так что приходилось его тащить в больницу и накладывать швы, то объедался хурмой – со всеми вытекающими последствиями, то засовывал в ухо пуговицу, то обзывал воспитательницу неприличным словом (из-за последней выходки отпрыска у несчастной его мамы было неприятностей больше всего). И Даша всех утешала, «входила в положение», отпускала девушек пораньше, потому что не могла им отказать.

Только у упомянутой выше пофигистки Катерины ничего не происходило, но она была по жизни патологической лентяйкой и вечно все путала.

В результате Даше приходилось основную часть работы выполнять самой. Но как-то же существовали они и до того времени, как Михаил Борисович взял в секретари Алину! Эта дива сразу дала понять всем, что требовать чего-либо от нее может только шеф лично, и максимум, что она может для него сделать на работе, – это сварить кофе. И то, по наблюдению Даши, готовила она этот напиток из рук вон плохо.

На Дашу Алина взирала с презрением. Ну да – она же была выше, по крайней мере, на голову! Убедившись, что что-то сделать на благо фирмы Алину невозможно заставить никакими силами, Даша решила перетерпеть несколько месяцев – время в данном случае работало на нее. Однако девица вела себя нагло. Она сбивала с толку менеджеров, часами болтала по служебному телефону и, судя по некоторым признакам, наговаривала на Дашу шефу.

Сегодня с утра на Дашу навалилась текучка, и к приходу шефа она была уже по уши в работе.

– Дарья! – позвал он ее. – Отчеты мне принеси за прошлый месяц! И договора с поставщиками!

Даша вытащила из стола две папки и пошла в кабинет к шефу. Помещение его было большим и светлым, с мягкой мебелью и красивыми занавесками. У нее же – крошечный закуток, отгороженный фанерной перегородкой от общей комнаты.

Девочки собрались стайкой у стола Милки – сотрудницы, которую недавно бросил бойфренд. Прорывав целую неделю подряд, она вскоре вполне утешилась и даже познакомилась в ночном клубе с парнем, катавшимся на дороге «Ауди». Теперь общество решало сложный вопрос – как узнать, его ли это машина или он ее просто водит по доверенности?

– Девочки, – укоризненно сказала им Даша, – вы бы хоть при шефе видимость работы создавали...

– Да ладно тебе, Даш! – откликнулись они.

В кабинете шефа – прямо на столе – сидела Алина и нашептывала что-то Михаилу, прильнув губами к его волосатому уху. Он смеялся – ему было щекотно. Увидев Дашу, они нехотя оторвались от своего увлекательного занятия. Михаил спихнул Алину со стола и шлепком придал ей направление к двери. Проходя мимо Даши, она пренебрежительно фыркнула.

Даша разложила на столе договора и отчеты.

– А это что? – Надо отдать должное Михаилу Борисовичу, в бизнесе он соображал, поэтому сразу понял, что одного отчета не хватает.

– Что за дела?! – Даша потрясла папку, хотя и так ясно было, что она пуста. – Ладно, я сейчас.

Она побежала к себе и поискала нужную бумагу в ящиках и на полках. Ничего не нашла. Она точно помнила, что позавчера положила все в папки! Ну, ладно, с этим потом, а сейчас нужно срочно распечатать файл с отчетом и отнести его шефу.

Она проглядела файл, и глаза ее полезли на лоб. Там были совсем не те цифры! Она же сама составляла этот отчет, потому что у Насти снова что-то случилось с ребенком – не то он спрыгнул с горки и ударился головой, не то утащил у воспитательницы маркер и расписал им стены в комнате их группы...

Это просто мистика! Но чудес на свете не бывает. Даша проверила дату последнего изменения записи – двадцать второе сентября, вчера! Но ведь ее не было на работе, она возила свекровь в Комарово!

Дашу бросило в жар. Она полезла в сумку за платком, и тут в ее ладонь – словно бы сама собой – легла камешка. Даша крепко сжала ее в кулаке и глубоко, медленно вдохнула.

В общей комнате девушки прилежно сидели и трудились каждая за своим столом. Они поняли, что происходит нечто необычное и им следует держаться тише воды, ниже травы.

– Кто был вчера у меня? Кто пользовался компьютером? – громко спросила Даша.

– Я – никогда... – пискнула Настя, – ты же знаешь, мы с Милкой вообще после обеда ушли...

– Катерина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.